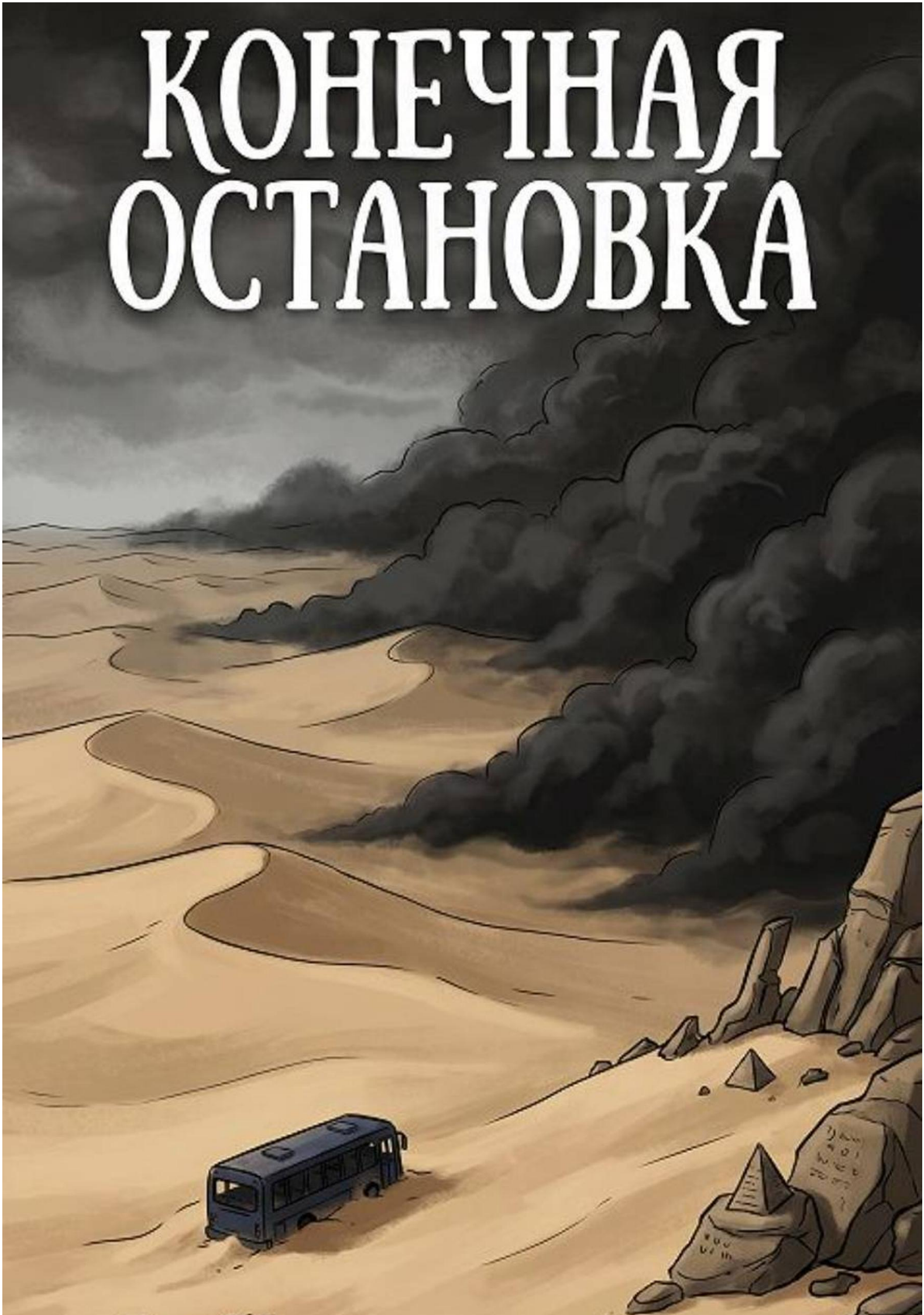
КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА

Валерий Савицкий

Конечная остановка

«Автор»
2026

Савицкий В. С.

Конечная остановка / В. С. Савицкий — «Автор», 2026

Обычная поездка на утреннем городском автобусе оборачивается для семнадцати случайных пассажиров билетом в пугающую неизвестность. Проснувшись, они обнаруживают свой автобус застрявшим посреди бескрайней знойной пустыни. Водитель бесследно исчез, оставив лишь кепку и кровавый след у педалей. Телефоны не ловят сеть, а запасы еды и воды ограничиваются тем, что оказалось в сумках на один день. Группе незнакомцев — среди которых плывущий по течению студент Илья, будущий медик Лера, бывший военный Сергей и курьер Павел — предстоит объединиться, чтобы выжить. Однако пустыня таит в себе не только палящее солнце и жажду: на скалах высечены загадочные знаки, а по долине передвигается смертоносный черный туман, поглощающий людей без остатка. Это история о выживании, человеческой уязвимости и о том, как перед лицом катастрофы исчезают привычные социальные маски.

© Савицкий В. С., 2026
© Автор, 2026

Валерий Савицкий
Конечная остановка

Глава первая

Утро началось не со звонка будильника, а с попытки не услышать его.

Телефон дрожал где-то под подушкой. Я проснулся от вибрации, но не открыл глаз. Полежал, надеясь, что звук прекратится сам или мне приснится, что сегодня выходной. Телефон продолжал гудеть, задевая пружину кровати короткими неровными толчками.

Я сунул руку под подушку, нащупал край чехла и выключил будильник.

В комнате стало тихо.

Я ещё немного полежал, не шевелясь. Если не двигаться, можно было представить, что день пока не начался. За окном темнота казалась плотной и неподвижной. В стекле отражалась моя комната: шкаф, письменный стол, сложенная на спинку стула одежда, пустая чашка, компьютер. На мониторе застыла заставка игры. Я оставил его включённым ночью и теперь видел на тёмном экране собственное размытое отражение.

Сколько я спал? Четыре часа? Пять, если повезло. Вчера я собирался выйти из игры после последнего матча. Потом начался ещё один. Потом ребята сказали: «Ну давай, последний — и всё». Я согласился. После последнего почему-то захотелось посмотреть, что там в чате. Потом я зашёл на видео, потом ещё на одно. В какой-то момент часы показали два сорок семь, и я решил, что уже нет смысла ложиться рано.

Удивительно, как легко убедить себя, что поздно ложиться всё равно, если завтра вставать рано.

Я повернулся на спину. Одеяло сползло на пол, одна нога мёрзла. Стало понятно, что лежать дальше холоднее, чем вставать. Это было не совсем правдой, но подходило для того, чтобы начать двигаться.

Ноги коснулись пола. Я посидел на краю кровати, опустив голову. Внутри всё было тяжёлым, словно за ночь меня не восстановили, а только оставили на зарядке с неисправным кабелем. Я знал, что надо подняться, умыться, одеться, успеть на автобус и доехать до колледжа. Всё это занимало не так уж много времени. Я проделывал это пять дней в неделю. И всё равно каждый шаг требовал отдельного решения.

Встать.

Взять телефон.

Найти носки.

Открыть дверь.

Ничего сложного. Просто список маленьких действий, который почему-то выглядел длиннее, чем должен был.

Я включил свет. Глаза заболели от резкости. На столе стояла вчерашняя кружка с чайным ободком внутри, рядом валялись упаковки от печенья и зарядный кабель. Рюкзак лежал на полу открытым. Из него торчала тетрадь с загнутым уголком, которую я не доставал уже несколько дней.

Я посмотрел на всё это и не почувствовал ни раздражения, ни желания прибраться. Только заметил, что кружка стоит слишком близко к клавиатуре. Отодвинул её на край стола.

В комнате было холодно. Я натянул спортивные штаны, достал из шкафа джинсы и долго выбирал между двумя свитерами, хотя разница между ними заключалась только в том, что один был чуть менее растянут на локтях. Выбрал тот, что оказался сверху. Потом нашёл носок под столом, второй — внутри ботинка. Надел оба, не проверяя, одной ли они пары.

В ванной горела лампа с жёлтым оттенком. Я открыл кран и подержал лицо под холодной водой. Несколько капель стекли за воротник. На зеркале высохли разводы, так что моё отражение распадалось на куски: лоб, глаза, половина щеки.

Под глазами потемнело. Волосы примялись с одной стороны и торчали с другой. Я провёл по ним мокрой ладонью, не добившись ничего.

— Отлично, — сказал я зеркалу.

Голос прозвучал хрипло. Не то чтобы я хотел кому-то что-то сказать. Просто тишина в квартире иногда становилась слишком отчётливой.

На кухне пахло моющим средством и остывшим чаем. На столе лежала мамина записка, прижатая сахарницей.

«В контейнере суп. Разогрей, пожалуйста. И не забудь купить хлеб».

Я прочитал записку дважды. Не потому что не понял. Просто взгляд сам вернулся к первой строчке: «В контейнере суп». Мама оставила его вечером, перед тем как уйти на ночную смену. Я не слышал, когда она вернулась. Наверное, проспал. Или она пока не приходила. Я уже не знал.

В холодильнике действительно стоял пластиковый контейнер. На крышке маркером было написано моё имя. Я открыл его, посмотрел на суп и закрыл обратно. Есть не хотелось. Запах был нормальный, ничего особенного — картошка, морковь, что-то мясное. Просто мысль о ложке, тарелке, микроволновке и необходимости потом её вымыть казалась лишней.

Я взял со стола мандарин, покатал его в ладони и положил обратно.

Мама писала мне, что суп надо разогреть, не спрашивала, буду ли я. Так было проще для нас обоих. Она могла заботиться, не требуя ответа, а я мог принять эту заботу, не объясняя, почему всё равно не ем.

Я налил воды в стакан и выпил стоя. На подоконнике лежал пакет с мандаринами, уже сморщившимися. Кухня была такой, какой и должна быть кухня человека, который живёт с матерью: чайник, микроволновка, магнит с расписанием автобусов, календарь с крупными цифрами, список покупок. Ничего особенного. Ничего плохого. Просто место, через которое я проходил утром и вечером.

Я взял хлеб из хлебницы, проверил пакет и обнаружил там две тонкие корки. Мама просила купить новый. Я снова посмотрел на записку. Потом на часы.

Времени хватало, если не задерживаться.

Времени не хватало, если задерживаться.

Я положил хлеб на место и решил купить по дороге. Решение было принято, дело сделано. Я почувствовал короткое облегчение, хотя ничего ещё не купил.

В комнате я собрал рюкзак. Тетрадь, зарядка, ручка, бумажник. Проверил телефон. Батарея — пятьдесят семь процентов. На экране несколько уведомлений: сообщения из группы колледжа, реклама, напоминание о задании, которое надо было сдать вчера. Я смахнул уведомление о задании, не открывая.

В группе уже спорили о расписании. Кто-то написал, что первую пару могут перенести. Кто-то ответил, что преподаватель ничего не переносил. Я набрал: «Кто-нибудь знает точно?» — и стёр. Если расписание изменится, мне скажут. Если не скажут, я всё равно поеду.

В этом заключалась одна из удобных вещей моей жизни: можно было не принимать решений, пока за тебя их принимают обстоятельства.

Я проверил рюкзак ещё раз, хотя знал, что ничего не забыл. Потом надел свитер и куртку. Шарф лежал в рукаве, и я вытянул его, распутав петлю. На полке у двери стояли ботинки. Правый ботинок был мокрым с прошлого вечера — я наступил в лужу, когда возвращался от магазина. Теперь кожа подсохла, но внутри оставалась сырой.

Я всё равно его надел.

Перед выходом я посмотрел на компьютер. Монитор погас, но системный блок гудел тихо и ровно. Можно было вернуться и выключить его. Можно было оставить. Я оставил.

Дверь захлопнулась за спиной.

Лестничная клетка пахла сыростью, чьим-то завтраком и краской, которой месяц назад покрасили стены. Лампочка на площадке мигала. Я спустился по ступенькам, придерживаясь за перила, и вышел на улицу.

Зима ещё не решила, чем хочет быть. Снег лежал у бордюров грязными кучами, а на тротуаре смешивался с водой. Небо над домами оставалось тёмно-синим. Фонари не погасли, хотя день уже должен был наступить. На остановке стояли четыре человека: женщина в светлом пуховике, мужчина с большим рюкзаком и двое студентов, которых я видел несколько раз, но не знал по именам.

Я встал чуть поодаль.

Автобус должен был прийти через шесть минут. Я это знал, потому что проверил расписание ещё ночью. Тогда казалось, что до утра далеко. Сейчас шесть минут растянулись, и я достал телефон.

В группе снова писали. Один из однокурсников прислал фотографию своего кота, забравшегося в коробку. Я поставил реакцию и убрал телефон.

На улице было тихо. Машины проезжали редко, шины шуршали по мокрой дороге. Женщина на остановке несколько раз поправила шарф. Мужчина с рюкзаком смотрел на экран. Двое студентов говорили о зачёте. Один смеялся, второй отвечал ему так, будто они продолжали вчерашний разговор.

Я слушал, не пытаясь присоединиться.

Было странно, как много людей каждый день делают одно и то же. Просыпаются, надевают куртки, выходят на улицу, ждут автобус. У всех, наверное, есть дела, которые нельзя отложить, люди, которым надо позвонить, планы на вечер. Они двигаются по своим маршрутам, даже когда не хочется.

Я тоже двигался.

Иногда я думал, что должен чувствовать себя счастливее. У меня была мать, у которой всё более-менее нормально со здоровьем. Были друзья — пусть не близкие, но свои. Учёба шла, пусть без особых успехов. Компьютер, игры, интернет, возможность заказывать еду, когда не хотелось готовить. Не было какого-то одного события, после которого всё испортилось. Никакой большой катастрофы. Никакой причины, которую можно было бы назвать и предъявить миру.

Просто почти все дни были одинаковыми, и ни один не казался особенно нужным.

Я не думал: «Хочу умереть». Это было бы слишком громко, слишком похоже на фразу из фильма. Я скорее хотел перестать быть настолько уставшим от простых вещей. Хотел открыть глаза утром и не ощущать, что я уже опаздываю в собственную жизнь. Хотел однажды вернуться домой и не сразу включить компьютер только потому, что не знаю, чем ещё занять вечер.

Но желать чего-то конкретного тоже было трудно. Желание требовало направления. А я давно двигался по инерции.

Автобус показался из-за перекрёстка. Я убрал телефон в карман. Он подъехал к остановке, тяжело притормозил и раскрыл двери. В салоне было тепло, пахло мокрой одеждой, пластиком и дизельным выхлопом.

Я вошёл и приложил карту.

Водитель не поднял глаз. Я прошёл к свободному месту у окна, туда, где обычно сидел, если место было. Сел, снял рюкзак и поставил между ног. Куртку не расстегнул. В салоне было теснее, чем казалось снаружи: люди сидели через одного, у прохода стоял мужчина в тёмной шапке, ближе к задней двери держалась девушка с наушниками.

За окном поплыли фасады. Я смотрел на них, но не запоминал. Один дом, потом магазин, потом аптека с яркой вывеской. Перекрёсток. Пешеходный переход. Двор, где коммунальщики сгребали снег в кучу.

Я достал телефон. Наушники были в кармане. Провод запутался вокруг ключей. Я расправил его, вставил один наушник, потом второй, выбрал плейлист.

Музыка началась с тихого гитарного вступления. Я слушал эту песню уже столько раз, что мог представить следующую ноту раньше, чем она звучала. Это было удобно. Песня не требовала внимания, но заполняла пространство. Ни с кем не надо было говорить. Не нужно было смотреть, кто что делает. Можно было сидеть и позволить дороге идти самой.

Я откинулся на спинку и прижал лоб к стеклу. Оно было холодным. Автобус качнулся на выбоине, и моя голова слегка стукнулась о раму. Я поправил наушник.

Телефон показал новое сообщение от друга.

«Сегодня зайдёшь?»

Я прочитал его, но не ответил. Возможно, он хотел поиграть вечером. Возможно, просто проверял, жив ли я. Мы иногда переписывались так: короткий вопрос, короткий ответ, пара шуток, потом каждый исчезал в своих делах.

Я набрал: «Посмотрим». Удалил. Написал: «Устал, наверное». Стер и это.

В итоге отправил: «Не знаю, напишу».

Это было правдой, хотя ничего не объясняло.

За окном закончились знакомые дома, начался широкий проспект. Автобус набирал скорость. Солнца не было, только светлела полоска неба над крышами. Я закрыл глаза на несколько секунд. Потом открыл, чтобы не проехать свою остановку.

Я знал, сколько ещё ехать. Двенадцать минут, если светофоры не задержат. Потом пройти через двор, подняться на третий этаж, отстоять пару, сделать вид, что слушаю. На большой перемене купить кофе из автомата или вообще ничего не брать. После занятий снова автобус, дом, еда, компьютер.

Ничего страшного. Только список, который повторялся.

Я попробовал не думать о нём. Уставился на отражение в окне. За ним город двигался размытыми полосами. В стекле моё лицо смотрело куда-то мимо меня. Наушники скрывали шум салона, но не полностью. Я слышал, как автобус скрипит на поворотах, как кто-то кашляет, как дверь у задней площадки дребезжит на кочках.

Песня закончилась. Началась следующая — более медленная, с ровным ритмом ударных. Я хотел переключить, но не стал.

Сон подступал незаметно. Сначала просто начали тяжелеть веки. Потом я поймал себя на том, что не помню, какой дом проехал последним. Я выпрямился и посмотрел в окно. Дорога была знакомой. Мы ещё не доехали до развязки.

Я снова закрыл глаза, всего на пару секунд.

Автобус плавно качнуло в сторону. Голова завалилась на стекло. Я услышал в музыке длинный низкий звук, похожий на протяжный гул двигателя. Может, он всегда там был. Я не помнил.

Мне снилось что-то обрывочное. Не сон даже — отдельные кадры без связи. Песок на школьном дворе. Белая стена. Я стою в очереди за чем-то, но не знаю за чем. Кто-то зовёт меня из соседней комнаты, а я не отвечаю, потому что не хочу вставать.

Потом стало жарко.

Я пошевелился, но не проснулся. Под воротником куртки накопилось тепло. Рукав давил на запястье. Я попытался снять куртку во сне, будто можно было стянуть её, не открывая глаз.

Автобус резко дёрнулся.

Голова ударилась о стекло.

Я очнулся и сразу снял один наушник. Музыка продолжала играть, но в салоне стояла такая тишина, что она показалась чужой.

Я моргнул. Сначала увидел собственное отражение. Потом — свет, слишком яркий для зимнего утра.

За окном не было улицы.

Только солнце и песок, уходящий к горизонту.

Глава вторая
Пассажиры

За окном не было улицы.

Только солнце и песок, уходящий к горизонту.

Я снял второй наушник. Музыка оборвалась, и вместе с ней исчезло последнее объяснение происходящему. Остался гулкий салон, потрескивание остывающего металла и чьё-то неровное дыхание.

Я продолжал смотреть наружу, будто пустыня могла смениться знакомым перекрёстком, если не моргать. Этого не случилось. Автобус стоял неподвижно. Под окнами песок был почти белым, дальше желтел, а у самого горизонта расплывался в дрожащей от жары полосе. Небо занимало слишком много места. Ни одного провода, ни столба, ни крыши, ни даже тёмной точки, которая могла бы оказаться машиной.

Я повернул голову к салону.

Люди тоже смотрели на меня. Не все, но достаточно, чтобы я почувствовал себя виноватым за то, что проснулся позже них и ничего не понимал.

— Мы где? — спросил я.

Женщина у окна ответила длинной фразой. Слова были незнакомые, резкие и быстрые. Она показала на переднюю часть автобуса, потом на дверь. Мужчина рядом с ней заговорил в ответ, громче и раздражённее. Я посмотрел на них, потом на остальных.

— Кто-нибудь понимает, что она говорит?

— Она тоже хочет это узнать, — произнесла девушка у прохода.

Говорила она негромко, и я не сразу понял, что обращается ко мне. На вид ей было примерно столько же, сколько мне, может, немного меньше. Тёмные волосы собраны в низкий хвост, светлый свитер, рукава чуть длиннее ладоней. На коленях лежала раскрытая тканевая сумка. Она держала её обеими руками, словно сумка могла удержать всё остальное на месте.

— Ты её понимаешь? — спросил я.

— Нет. Но она показывает на дверь и на водителя. Наверное, спрашивает то же, что и мы.

В её голосе не было ни растерянности, ни уверенности. Скорее спокойное наблюдение человека, который боится сделать лишнее движение и поэтому сначала смотрит.

Я снял куртку. Под свитером уже стало влажно. Сложил её на сиденье, но не сел. Вдоль прохода стояли люди, и никто не знал, куда девать руки. Один мужчина держался за поручень. Пожилая женщина с короткими седыми волосами прижимала к груди кожаную сумку. Парень в выцветшей чёрной футболке с нашивками на куртке сидел на подлокотнике и вертел в пальцах металлическое кольцо. У него были бритые виски, длинная чёлка и выражение лица, будто его разбудили не в пустыне, а посреди скучного разговора.

У переднего ряда высокий мужчина с коротко стриженными волосами наклонился к двери. На нём была тёмная куртка с потёртыми локтями, ремень и тяжёлые ботинки. Он дёрнул ручку, отступил и посмотрел на водителя.

Только теперь я заметил, что его нет.

Я пошёл вперёд.

— Водитель! — крикнул я.

Мой голос отразился от стекла и вернулся ко мне слишком громким. За перегородкой было пусто. На сиденье лежала тёмная кепка. Руль стоял чуть повёрнутым, ключ оставался в замке. На полу у педалей темнела узкая полоса, похожая на кровь.

Я замер.

— Что там? — спросил кто-то сзади.

— Никого, — ответил я. — Водителя нет.

Мужчина с короткой стрижкой провёл пальцем по трещине в нижнем углу лобового стекла, не касаясь самого стекла. На лице у него появилась складка между бровями.

— Автобус ударился, — сказал он. — Или его ударило. В любом случае это не обычная остановка.

— Вы механик? — спросила девушка с сумкой.

— Ремонтирую автобусы. Денис Котов.

Он произнёс это так, будто представлялся не группе незнакомцев, а диспетчеру, которому требовалось сообщить фамилию перед вызовом. Потом указал на дверь.

— Не открывается. Замок заклинило или деформировало раму.

— А водитель? — спросила пожилая женщина.

— Не знаю.

В этот раз Денис не стал добавлять ничего, чтобы смягчить ответ.

Высокий мужчина шагнул к нему.

— Сергей Лапин. Военный. Сначала проверим салон, потом окна и выходы. Никто не уходит один.

— А если я хочу уйти один? — отозвался парень в чёрной футболке. — Это автобус, не ваша часть.

— Марк, — сказала девушка у прохода тихо, будто уже знала его. Потом, заметив мой взгляд, добавила: — Он сам так назвался. Я слышала, когда мы только очнулись.

Марк посмотрел на неё, но ничего не ответил. На шее у него висела цепочка с маленьким металлическим ключом. Он убрал её под футболку и слез с подлокотника.

— Мы должны понять, что снаружи, — сказал Сергей. — Но сначала осмотрим автобус. Если есть пострадавшие, их надо найти.

— Пострадавшие? — переспросил мужчина в пиджаке. Он сидел у окна и до этого не произнёс ни слова. — Здесь никого нет. Мы целы.

— Водителя нет, — сказал я. — Это уже кто-то.

Мужчина посмотрел на меня, будто хотел возразить, но передумал.

Девушка с сумкой поднялась. Она была невысокой, худой, держалась прямо. Глаза у неё казались сонными, но движения были собранными. На груди под свитером виднелся край бейджа на шнурке. Она заметила, что я на него смотрю, и спрятала бейдж.

— Я Лера, — сказала она. — Валерия Миронова. Учусь на медицинском.

— Илья, — ответил я. — Илья Серов.

Я пожалел, что представился. Это прозвучало слишком официально, будто мы встретились не в автобусе без водителя, а на занятии, где преподаватель просил назвать фамилию и номер группы. Лера кивнула, не улыбаясь.

— Кто-нибудь ударился? — спросила она.

Сонный парень в армейской куртке поднял руку. На запястье у него наливался красный след. Лера подошла, попросила показать руку, осторожно ощупала, спросила, болит ли. Парень ответил, что только ушибся. Она проверила пальцы и сказала пошевелить ими.

Я смотрел, как она работает. Не как врач, наверное, — скорее как человек, который помнит последовательность действий и держится за неё. Вопрос, осмотр, короткий вывод. Когда парень поблагодарил её, она ответила «ничего» и отвернулась раньше, чем он успел продолжить.

— Телефоны, — сказал Сергей. — Проверим связь и время.

По салону прошёл шорох. Люди достали мобильные, кто-то поднял их к окнам. На моём экране время исчезло; осталась только батарея. Я нажал кнопку блокировки, перезапустил телефон, проверил сеть. Ничего.

— У меня вообще нет сигнала, — сказал я.

— У всех так, — отозвался мужчина с большим рюкзаком. Он говорил на нашем языке и держал телефон в вытянутой руке, словно аппарат мог поймать сеть, если поднять его выше. — GPS тоже не показывает карту. Только пустой экран.

— Вы его перезагрузили? — спросил Сергей.

— Да. Я не первый раз пользуюсь телефоном.

Марк хмыкнул.

— Уже хорошо. Значит, остался один способ узнать, где мы. Посмотреть в окно.

— Посмотрели, — сказал Сергей. — Теперь давайте без комментариев.

— Я могу молчать. Только не обещаю, что вам понравится результат.

Лера отошла к женщине у окна. Та всё ещё говорила на незнакомом языке, но теперь голос её дрожал. Лера показала на воду, затем на неё саму. Женщина поняла, кивнула и достала из сумки маленькую бутылку. Лера не стала брать её, только помогла открутить крышку.

У автобуса было семнадцать человек, если считать меня. Я пересчитал дважды, хотя не знал, зачем. Пятеро сидели или стояли отдельно и говорили на языках, которых я не понимал. Остальные отвечали мне, спрашивали, спорили на русском. Они тоже были чужими, но хотя бы их слова доходили.

Седая женщина назвалась Анной Павловной Беловой. Она бывшая учительница географии, сказала это с такой интонацией, словно ожидала, что профессия немедленно даст ей право объявить, где мы находимся. Рядом с ней сидел Роман Шевцов, бухгалтер, который вежливо кивал и не вмешивался. Оксана Руденко, женщина в светлом пуховике, каждые несколько секунд проверяла телефон и сжимала его обеими руками. Она сказала, что у неё дома сын, и попросила не задерживать их разговорами.

Павел Громов, курьер, попытался пошутить, что, если автобус доставил их в пустыню, доставка наверняка будет бесплатной. Никто не засмеялся. Он улыбнулся сам себе и замолчал.

Девушка с камерой на шее представилась Милой Астаховой. Она делала фотографии, но по просьбе Сергея убрала аппарат, пока мы разбирались с дверями. Тимур Сафаров, повар, проверял, что у него в сумке: два бутерброда, яблоко и бутылка воды. Элина Петрова, юристка, задавала точные вопросы — кто видел, как автобус остановился, кто помнит последний поворот, кто знает номер маршрута. Никто не мог ответить уверенно.

Пятеро иностранцев назывались по очереди, но имена смешивались у меня в голове. Мужчина, который говорил по-арабски, показал на себя и произнёс «Юсуф». Женщина, говорившая по-польски, повторила «Марта». Девушка с короткой стрижкой назвала себя Чэнь Линь. Высокий музыкант с потёртым футляром от инструмента произнёс «Диего». Последняя, с аккуратно заплетёнными волосами, повторила «Амина» и показала на трещину в стекле.

Амина говорила по-французски. Она явно хотела объяснить что-то о повреждении, но мы не понимали слов. Денис подошёл к ней, указал на стекло и жестом спросил, не знает ли она, как оно треснуло. Амина развела руками, затем показала пальцами на несколько направлений, будто изображала удар и движение. Денис внимательно смотрел, но не смог разобрать смысл.

— Нужен переводчик, — сказал Павел.

— А где его взять? — спросила Элина.

— В интернете. Если сеть появится.

— Если сеть появится, мы вызовем спасателей, — сказал Сергей. — Пока проверим двери.

Я потёр ладонью лоб. Голова была тяжёлой после сна, и жар от стекла быстро проникал в салон. Я всё ещё надеялся, что есть простое объяснение. Может, это какая-то аварийная ситуация, мы в автобусе, нас вывезли на съемочную площадку, а водитель ушёл за помощью. Может, я сплю. Может, я всё ещё в автобусе по дороге в колледж, а это просто сон, который рассыплется, когда я снова закрою глаза.

Я ущипнул себя за руку. Больно было не сильно, но достаточно, чтобы я перестал надеяться на сон.

— Илья, — сказала Лера. — Ты в порядке?

Я посмотрел на неё. Вопрос прозвучал так, будто она видела, как я щипаю себя, и не собиралась делать из этого выводов.

— Не знаю.

Она кивнула, словно этого ответа было достаточно.

— У меня тоже пока нет другого ответа.

Сергей и Денис проверяли переднюю дверь. Денис просунул пальцы в щель, попытался понять, где зацепился механизм. Сергей помогал ему, упираясь плечом в створку. Дверь не двинулась. Потом они попробовали заднюю. Там было то же самое: металл выгнулся, резиновый уплотнитель зажало песком или деформацией.

— Можно выбить стекло, — сказал Марк.

— И получить порезы, — ответила Лера.

— Тогда открывайте дверь.

— Если начнём бить всё подряд, можем повредить раму сильнее, — сказал Денис. — Надо понять, что именно заклинило.

— Пока вы понимаете, нам становится жарче, — заметила Оксана. — Давайте уже что-нибудь делать.

Соня, школьница с короткой чёлкой, стояла возле средней двери и пыталась открыть её руками. Она сказала, что не чувствует себя плохо, просто ей душно. Оксана сразу шагнула к ней, спросила, сколько ей лет и где родители. Соня ответила, что ей семнадцать и что она не маленькая. Оксана не стала спорить, но всё равно осталась рядом.

Я отошёл к окну. В песке под автобусом виднелись неглубокие борозды. Не следы шин — скорее длинные царапины, будто автобус протащило по поверхности. Я присел и прижал ладонь к полу. Пол был тёплым. Где-то снизу снова раздался сухой стук.

— Вы это слышали? — спросил я.

Все замолчали. Стук повторился — один раз, глухо, из-под передней части автобуса.

Денис посмотрел на Сергея.

— Может быть, остывает металл.

— А если там что-то горит? — спросила Лера.

Денис снова наклонился, прислушался. Дымом не пахло. Ни запаха бензина, ни огня, только горячая пыль и металл.

— Я не вижу признаков пожара, — сказал он. — Но сидеть внутри долго не стоит.

— Хорошо, — сказал Сергей. — Тогда открываем двери. Денис, что нужно?

Денис попросил длинный металлический предмет — отвертку, лом или что-то похожее. В салоне нашлись только складной нож, зонтик, ремень и металлический штатив Милы. Марк предложил снять поручень, но Денис сказал, что это долго. Сергей достал из своего рюкзака небольшой мультитул. Денис попробовал им поддеть защёлку, но ручка соскользнула, и он выругался.

Я подошёл ближе.

— Может, я помогу?

Денис посмотрел на меня, потом на узкое пространство между дверью и рамой.

— Держи фонарь. И не лезь пальцами в щель.

Я включил фонарик на телефоне и направил свет на механизм. Денис просунул мультитул в зазор и надавил. Сергей упёрся плечом. Дверь скрипнула, но не открылась.

— Ещё, — сказал Денис.

Сергей нажал сильнее. Металл прогнулся. Я увидел, как защёлка сдвинулась на несколько миллиметров.

— Подожди, — сказал Денис. — Не так. Дави ниже.

Они поменяли положение. Я держал свет, стараясь не дрожать. Рука устала быстрее, чем я ожидал. Внутри автобуса было душно, лоб покрылся потом. Денис коротко объяснял, куда давить. Сергей выполнял. С третьей попытки створка рванулась наружу и остановилась на цепочке песка, осыпавшейся с порога.

В салон ворвался горячий воздух.

Я отступил. Песок снаружи лежал почти на уровне ступенек. Пустыня оказалась ближе, чем казалась через стекло. Ни ветерка, ни запаха травы, ни звука птиц. Только мелкая пыль крутилась у открытой двери и оседала на полу.

Сергей первым выглянул наружу. Он не спрыгнул, а осторожно проверил поверхность ботинком. Песок провалился до щиколотки. Он шагнул в сторону, нашёл твёрдое место у колеса и спустился.

— По одному. Держитесь за поручень.

Марк фыркнул, но вышел следом. Я остался на ступеньке, не решаясь. Внутри всё ещё было прохладнее. Выйти означало признать, что автобус не просто застрял по дороге на занятия. Выйти — это оказаться в этом месте без стен и окон, без привычного города за углом.

Лера остановилась рядом.

— Ты можешь спуститься, — сказала она.

— Я знаю.

— Тогда давай. Я сзади.

Она не потянула меня за руку. Не повторила. Просто оставила место, чтобы я сам выбрал.

Я поставил ногу на ступеньку, потом на песок. Он обдал ботинок сухим теплом. Второй шаг дался легче. Я обернулся на автобус. Внутри остались наши вещи и тёмное водительское место. Кепка лежала на сиденье, как будто её сняли на минуту и собирались вернуться.

Снаружи было ярко до боли. Я прищурился. Тени от автобуса почти не было — солнце стояло высоко. Песок вокруг уходил волнами; возле передних колёс он был взрыхлён и осыпался вниз. На кузове виднелась длинная царапина, будто автобус задел что-то твёрдое. На лобовом стекле трещина расходилась тонкими ветвями.

Мы сгрудились возле двери. Мила подняла фотоаппарат и сделала несколько снимков. Сергей не запретил ей, но попросил не отходить. Оксана спросила, есть ли вода. Тимур поднял свою бутылку и сказал, что запас надо проверить весь, а не пить сразу, пока мы не знаем, как долго будем здесь.

— Долго? — переспросил Павел. — Мы же сейчас поймём, где находимся.

— Когда? — сказала Элина. — После того как телефоны не нашли сеть, а кругом нет ни дороги, ни знаков?

— Может, это съёмочная площадка, — снова сказал Павел, но на этот раз без улыбки.

Анна Павловна повернулась к солнцу, прикрывая глаза ладонью.

— По положению солнца можно примерно понять направление, — сказала она. — Но я не могу сказать, где именно мы. Нужны ориентиры.

— На горизонте есть скалы, — заметил Илья? Я сам не понял, что произнёс это вслух. Я указал на тёмную линию далеко впереди.

Все посмотрели туда. Скальный гребень был едва заметен, тёмная полоса на фоне песка. Он мог быть в нескольких километрах или в десятках. Глаза не могли оценить расстояние.

— Там можно укрыться от солнца, — сказал Сергей. — Если дойдём до камней, осмотрим местность и решим дальше.

— А спасатели? — спросила Оксана.

— Мы не знаем, что случилось с автобусом. Водитель мог уйти за помощью. Если остались следы, их могли заметить. Но ждать неизвестно сколько в салоне, который может быть повреждён, нельзя.

— Мы не знаем даже, есть ли тут кто-нибудь, — сказала Лера.

Это было первое, что кто-то произнёс без попытки смягчить. Она посмотрела на пустой горизонт и сжала ручку сумки. Ветер поднял песок у её ног; она не отступила.

Марк повернулся ко мне.

— Ну что, студент, ты как? Есть идея получше, чем гулять к скалам?

Я хотел ответить, что не знаю. Это был мой привычный ответ, почти готовый, как сообщение другу. Но все ждали, и я вдруг понял, что «не знаю» ничего не меняет. Я посмотрел на автобус, на дверь, на следы под колёсами, на линию скал.

— Если будем ждать, вода всё равно закончится, — сказал я. — Лучше двигаться, пока не стало темно.

Слова прозвучали увереннее, чем я себя чувствовал. Марк поднял бровь. Сергей коротко кивнул.

— Тогда берём только необходимое. Оставляем вещи, которые мешают идти. Считаем воду и еду. Никто не отходит один.

— Я не подчиняюсь вам, — сказал Марк.

— Можешь не подчиняться. Но если уйдёшь один и потеряешься, мы не будем возвращаться за тобой.

Марк посмотрел на Сергея, потом на меня. Угол его рта дёрнулся.

— Вот это уже похоже на честный разговор.

Лера подошла ко мне, чтобы забрать свою сумку. Между нами оставалось совсем немного места, но она не коснулась меня. Я хотел спросить, боится ли она. Вместо этого спросил:

— Ты правда учишься на медицинском?

— Да.

— И знаешь, что делать?

Она посмотрела на автобус, потом на свои руки.

— Иногда. Сейчас — не всё.

— Это нормально.

Я не знал, почему сказал именно так. Может, потому что сам тоже не знал, что делать, и хотел, чтобы кто-то сказал это первым.

Лера кивнула. Мы стояли рядом с автобусом, пока остальные перебирали вещи и называли свои имена. Сергей спорил с Оксаной о воде. Тимур раскладывал запасы на сиденье, чтобы их посчитать. Денис снова смотрел на дверь, пытаясь понять, можно ли закрыть её за нами. Мила снимала следы вокруг колёс. Марк отошёл на несколько шагов, но не ушёл далеко.

Я оглянулся на пустыню.

Несколько минут назад я думал о колледже, о паре, которую, скорее всего, пропущу, о сообщении друга, на которое не хотел отвечать. Всё это теперь казалось настолько близким и одновременно недоступным, что я не мог понять, существовало ли вообще.

Я не знал, где мы. Не знал, как вернуться. Не знал, кто из этих людей станет мне другом, а кто — причиной ссоры. Я даже не знал, сколько у нас воды.

Но впервые за долгое время следующий шаг не был частью привычного списка.

Сергей позвал всех собраться у автобуса. Мы должны были решить, что взять и в какую сторону идти. Я поднял рюкзак, проверил, что телефон всё ещё в кармане, и пошёл к остальным.

Мы собрались вокруг открытой двери. Внутри автобуса всё ещё лежали чужие вещи, словно поездка просто прервалась и вот-вот продолжится. На полу валялась перчатка. На одном сиденье остался шарф, на другом — пластиковая бутылка с водой. Никто не хотел первым сказать, что их надо оставить.

— Надо забрать всё, что может пригодиться, — сказал Тимур. — Но не тащить лишнее. Вода, еда, аптечка, тёплые вещи на ночь.

— Аптечка должна быть у водителя, — сказал Денис. — Если её не забрали.

Мы проверили кабину. Аптечка действительно была под сиденьем, пристёгнутая ремнём. В ней оказалось несколько бинтов, антисептик, пластырь и маленькие ножницы. Лера перебрала содержимое и аккуратно сложила всё обратно. Она попросила не разбирать лекарства, пока не понадобится.

Телефоны принесли мало пользы. У кого-то оставалась карта, загруженная заранее, но показывала лишь серое поле без названий. У других батарея была почти разряжена. Мила сказала, что сбережёт заряд камеры и телефона, пока не понадобится снимать. Элина предложила записать имена и то, что у каждого есть при себе, чтобы не спорить позже, кто что потерял.

— Сейчас нам нужна вода, а не список имущества, — сказала Оксана.

— Список нужен именно затем, чтобы потом не спорить из-за воды, — ответила Элина.

Оксана сжала губы и отвернулась. Она держала телефон так крепко, что костяшки пальцев побелели. На заставке мелькнул мальчик лет семи с футбольным мячом. Оксана убрала экран, когда заметила мой взгляд.

Тимур попросил каждого достать бутылки и еду. Мы разложили всё на заднем сиденье: три бутылки воды, две небольшие фляги, несколько батончиков, яблоко, бутерброды, пакет сухарей и пачка печенья. Это выглядело как запас на один обычный день, а не на дорогу через неизвестно что.

— Пить будем понемногу, — сказал Тимур. — Не потому, что я командую, а потому, что воды мало. Кто-то знает, сколько мы здесь пробудем?

Никто не ответил.

Юсуф указал на солнце и сделал жест ладонью — медленно, вниз. Потом показал на бутылку и покачал головой. Он говорил короткими фразами по-арабски. Лера повторила жест: не пить всё сразу. Юсуф кивнул ей.

Сергей распределил вещи. Денису оставили аптечку и попросили нести лёгкий пакет, чтобы не напрягать травмированную руку. Тимур взял продукты. Мила повесила фотоаппарат на шею, а Элина попросила всех сообщить, у кого остались документы и кому нужно помочь с багажом. Марк нёс только свой рюкзак и не предложил помощи.

— Ты можешь взять что-нибудь общее, — сказал Сергей.

— Я и так взял своё.

— Если каждый будет нести только своё, мы не унесём воду.

— Тогда распределяйте воду поровну, а не назначайте меня вашим вьючным животным.

Сергей шагнул к нему, но Денис встал между ними. Он не был крупнее Сергея, зато говорил спокойно:

— Сейчас не время проверять, кто кого пересилит. У нас есть вещи, которые надо унести. Марк, возьми хотя бы одну флягу. Сергей, перестаньте разговаривать с ним так, будто он уже отказался.

Марк помолчал, потом взял флягу и сунул её в боковой карман рюкзака.

Я заметил, что никто не спросил меня, что я могу понести. Возможно, потому что я сам не предложил. Я взял пакет с аптечкой, которую Лера передала Денису, и проверил, что она не тяжёлая. Потом забрал бутылку, оставленную на сиденье.

— Воду лучше не греть на солнце, — сказал Юсуф. Он показал на мой рюкзак и жестом попросил спрятать бутылку внутрь. Я понял и убрал её.

Когда мы закончили, автобус выглядел покинутым. На сиденье осталась только кепка водителя. Я подержал её в руке, не зная, зачем. Кепка была тёмно-синяя, с вышитым номером маршрута. Никакого имени. Я положил её обратно.

Денис попробовал закрыть дверь, но та не сдвинулась. Он объяснил, что лучше не тратить время: если механизм перекосило, без инструмента его не починить. Мы оставили створку приоткрытой. Внутри оставалось прохладнее, и мысль, что мы уходим от единственного укрытия, никому не нравилась.

— Если вернёмся, будем знать, где остановились, — сказала Анна Павловна. — Надо отметить направление.

Она достала из сумки шарф и привязала его к наружной ручке двери. Я смотрел, как ткань колышется от слабого движения воздуха. Это было похоже на флажок, который ставят на месте, где потерялись, хотя мы ещё не успели уйти.

Мила сделала снимок автобуса и следов вокруг. Потом повернула камеру к горизонту.

— Не отходи, — сказал Сергей.

— Я не отхожу. Просто снимаю.

— Снимай отсюда.

Она опустила объектив, но продолжала смотреть на скальный гребень.

Анна Павловна пыталась определить стороны света. Она объяснила, что солнце сейчас достаточно высоко, чтобы понять общий ход дня, но без времени и ориентира точности не будет. Элина предложила идти к ближайшей заметной точке, а не выбирать направление по догадке. Сергей согласился с этим.

— Идём к скалам, — сказал он. — Держимся вместе. Если кто-то устал, говорит сразу. Если кто-то увидит воду или укрытие — не бежит туда один, а зовёт остальных.

— А если кто-то увидит дорогу? — спросил Павел.

— То же самое.

— А если увидит спасателей?

— Тогда надеюсь, что сумеет сообщить нам об этом, не убежав первым.

Павел кивнул. На этот раз он не пошутил.

Мы ещё раз проверили, всё ли взяли. Оксана спрятала телефон во внутренний карман. Соня отказалась от чужой куртки, хотя ей предложили укрыть плечи. Марк поправил ремень рюкзака и сказал, что не собирается идти строем. Сергей ответил, что никто и не просит. Юсуф показал, что лучше идти не по рыхлому песку, а по плотным полосам между дюнами. Анна Павловна посмотрела на него, потом на скалы и согласилась.

Я задержался у автобуса на несколько секунд. На его боку была царапина, которой я раньше не замечал. Она начиналась возле переднего колеса и тянулась назад, ровная и глубокая. Внутри, за треснувшим стеклом, всё ещё лежал мой привычный мир: сиденья, поручни, пластиковая карта на полу. Я подумал о своей остановке, о мокром ботинке, о супе в холодильнике. Эта мелочь всплыла в памяти так ясно, что я чуть не рассмеялся.

Я не знал, вернусь ли когда-нибудь к тому завтраку, который не съел.

— Илья, — позвала Лера.

Я поднял голову. Она стояла на несколько шагов впереди, придерживая сумку. Ветер шевельнул выбившиеся из хвоста волосы.

— Идёшь?

Я посмотрел на автобус ещё раз и догнал её.

Мы двинулись цепочкой. Сергей шёл впереди, выбирая путь. Юсуф держался неподалёку и время от времени показывал рукой на более твёрдый песок. Денис шёл медленно, стараясь не нагружать травмированную руку. Тимур и Оксана двигались рядом, считая воду и следя за Соней. Анна Павловна и Элина обсуждали направление. Мила снимала короткими сериями.

Роман шёл ближе к середине, молча. Марк держался сбоку, как будто оставлял себе возможность в любой момент свернуть.

Я шёл рядом с Лерой. Не потому, что мы договорились, просто наши шаги совпали.

Через несколько минут автобус стал ниже на фоне дюн. Ещё через несколько — его кузов слился с песком. Я обернулся. Шарф на двери оставался заметен, тонкой светлой полоской.

Потом и он исчез за волной песка.

Солнце било в затылок. Песок скрипел под подошвами.

Никто из нас ещё не произнёс слово «пустыня» вслух. Но все уже понимали, что это именно она.

Глава третья
Выход

Автобус исчез за дюной быстрее, чем я думал.

Ещё минуту назад я видел его крышу и светлую полоску шарфа, привязанного к двери. Потом песчаная волна закрыла кузов, и на месте, где он стоял, остался только ровный горизонт. Я оглянулся ещё раз, будто мог вернуть его взглядом.

— Не отставай, — сказал Сергей.

Я прибавил шаг.

Под ногами песок то проваливался, то оказывался плотным, с тонкой коркой, которая ломалась под весом. Мы шли цепочкой, стараясь не растягиваться. Впереди Сергей выбирал направление, за ним держались Юсуф и Анна Павловна. Дальше шли остальные. Я оказался рядом с Лерой, а Марк двигался сбоку, не позволяя никому идти совсем рядом с собой.

Солнце висело над нами, не давая понять, утро это или полдень. В автобусе я проснулся среди света, который мог принадлежать любому часу. Теперь от жары во рту пересохло, и казалось, что мы идём уже давно, хотя я не мог бы сказать, сколько именно.

Первые несколько минут никто не говорил. Мы берегли дыхание или просто не знали, что сказать. За спиной оставался автобус, впереди темнели скалы. Между ними и нами лежали дюны, похожие одна на другую. Ни деревца, ни куста. Даже птиц не было.

Я слышал собственные шаги и чужие — иногда они совпадали, иногда распадались на отдельные ритмы. В голове всё ещё играла песня, которую я слушал в автобусе. Она застряла там, в том же месте, где оборвалась, когда я снял наушник. Я ловил её обрывки и не мог решить, раздражают они меня или помогают не думать.

— Как долго мы уже идём? — спросила Соня.

— Минут двадцать, — ответил Сергей.

— Вы уверены?

— Нет. Но достаточно, чтобы не останавливаться каждые пять минут.

Соня ничего не ответила. Она шла чуть позади Оксаны, держась за лямки рюкзака. На рюкзаке висел маленький брелок в форме луны. Иногда он стукался о застёжку и звенел.

Марк обернулся.

— Может, нам ещё расписание выдать? Сколько километров до ближайшей остановки?

— Если хочешь, можешь идти впереди и проверить, — сказал Сергей.

— Я не хочу. Я хочу знать, почему мы идём именно сюда.

— Потому что там камни. Они ближе всего из того, что видно.

— Мы не знаем, ближе ли они. Это может быть мираж.

— Тогда предложи лучше.

Марк пожал плечами.

— Вернуться к автобусу. Там хотя бы есть тень.

— Там есть крыша, но если автобус повреждён и не открывается, это не убежище. Вода у нас ограничена. Долго на месте мы не протянем.

— А так мы протянем?

Сергей не ответил сразу. Я заметил, что он не выглядел человеком, который всё знает. Он просто говорил так, будто сомнение — это роскошь, которую можно позволить позже.

— Так у нас есть направление, — сказал он. — У автобуса его нет.

Я хотел спросить, не ошибается ли он, но не стал. Никто не знал, что правильно. Сергей хотя бы не скрывал, что выбирает из плохих вариантов.

— Илья, — сказала Лера.

Я повернулся. Она показывала на ремень моего рюкзака, который перекрутился и тёр шею. Я поправил его.

— Спасибо.

— Он натёр бы.

— У тебя всё в порядке?

Она посмотрела на меня, как будто решала, насколько честно отвечать.

— Пока да.

Это было не «да, всё хорошо». Я понял разницу, но не спросил дальше.

Вскоре мы дошли до первой дюны. Сергей поднялся на её гребень и остановился, чтобы осмотреться. С той стороны песок спускался более круто. Скалы впереди казались ближе, но за ними открылась ещё одна гряда холмов, и расстояние снова стало непонятным.

— Там есть что-то? — крикнула Элина.

Сергей поднял руку, приглашая всех подойти, но не подниматься сразу. Он спустился на несколько шагов и указал на плоское место у основания дюны.

— Пойдём понизу. Меньше ветра и меньше рыхлого песка.

Юсуф показал на противоположный склон и произнёс несколько слов. Потом провёл рукой по воздуху, показывая движение сверху вниз. Он указал на мелкие рябые следы, которые тянулись по песку, и сделал знак, будто нога уходит вглубь.

— Он говорит, что на гребне песок мягче, — сказала Лера. — Кажется. Или опаснее идти по нему.

Юсуф кивнул и показал большой палец.

— Идём понизу, — сказал Сергей. — Спасибо.

Юсуф улыбнулся беззвучно. Он шёл спокойно, не торопясь, и не тратил силы на разговоры, которых никто не понимал. Я подумал, что он, наверное, много раз попадал в незнакомые места. Потом вспомнил: он водитель-дальнобойщик, так говорила Лера. Может, дорога для него действительно была привычнее, чем для нас.

Мы спустились к основанию дюны. Там было чуть прохладнее, тень от песчаного склона ещё не исчезла. Я посмотрел на часы. Телефон показывал чёрный экран. Я нажал кнопку, и он включился, но цифры времени мигнули и пропали. Батарея уменьшилась до пятидесяти процентов, хотя я почти не пользовался телефоном.

Я выключил его снова.

— Не сажай батарею, — сказала Элина, заметив.

— Я просто проверил время.

— Время мы и так не знаем. Сохрани заряд для связи, если она появится.

Я убрал телефон. Она была права. Это раздражало больше, чем должно было, потому что я не хотел, чтобы кто-то говорил мне, что делать. Но я тоже не мог придумать ничего умнее.

Дорога вдоль дюны была неровной. В некоторых местах песок сыпался сверху тонкими ручейками. Один из них прошёл по ботинку, и я попытался стряхнуть его на ходу. Он забился под шнурки. Через несколько шагов я почувствовал, как натирает пятку.

Я остановился завязать шнурок.

Группа продолжала идти. Лера тоже остановилась.

— Иди, я догоню, — сказал я.

— Я подожду.

— Не надо.

— Всё равно нужно идти медленно.

Она стояла рядом и смотрела на склон, не на меня. Я понял, что она не хочет, чтобы я благодарил её, и промолчал.

Когда я затянул шнурок, она спросила:

— Ты помнишь, как автобус остановился?

Я выпрямился.

— Нет. Я спал.

— Ты ничего не слышал перед тем, как проснулся?

Я попытался восстановить последние минуты. Музыка. Тяжёлые веки. Стекло у виска. Потом жар и удар.

— Был звук. Низкий. Как будто двигатель гудел. Но я не знаю, был ли он на самом деле.

— А до этого?

— Обычная дорога. Я сел на своём маршруте. Потом заснул.

Лера кивнула. Она не стала спрашивать, почему я не помню больше.

— А ты? — спросил я.

— Я ехала в город. У меня должна была быть практика.

Она сказала это так тихо, что слова почти потерялись за шорохом песка.

— В больнице?

— В учебном центре. Мы должны были отрабатывать перевязки и осмотр. Не настоящих пациентов.

— Ты давно учишься?

— Третий год.

— И поэтому ты разбираешься в аптечке.

— Я знаю, где лежат бинты. Это не одно и то же.

Она поправила лямку сумки и пошла дальше. Я задержался на полшага, обдумывая ответ. В её голосе не было ложной скромности — скорее точная граница того, что она умеет и чего не умеет. Мне понравилось, что она не притворялась уверенной.

Впереди Павел снова заговорил. Он рассказывал Тимуру, как однажды доставлял заказ в квартиру, где дверь открыла попугай. История, судя по всему, была смешной в обычной жизни. Сейчас Тимур слушал без улыбки, но из вежливости не перебивал.

— А потом попугай спросил: «Кто там?» — говорил Павел. — Я ответил, что доставка. Он сказал: «Не надо». И дверь закрылась.

— Попугай закрыл дверь? — спросила Оксана.

— Нет, хозяин. Но попугай первым отказал.

Павел рассмеялся сам. Соня тоже чуть улыбнулась, но тут же опустила глаза. Оксана сказала, что это не смешно, и ускорила шаг.

Марк шёл рядом с Милой. Она проверяла экран камеры и иногда останавливалась, чтобы сделать снимок. Сергей каждый раз просил её не задерживаться. Мила отвечала, что не отходит, и продолжала фотографировать. В какой-то момент Марк сказал ей что-то, чего я не расслышал, и она показала ему экран. Он посмотрел на снимок и перестал улыбаться.

Когда мы обогнули дюну, скалы на горизонте показались в другом месте. Я сначала решил, что мы сами повернули, но Анна Павловна остановилась и провела ладонью по бровям.

— Мы идём не прямо к ним, — сказала она.

— Почему? — спросил Сергей.

— Они должны быть левее. Сейчас они правее.

— Мы огибали дюну.

— Возможно. Но солнце тоже немного сместилось.

— Оно не может так быстро сместиться, — сказала Элина.

Анна Павловна ничего не ответила. Она достала из сумки маленький блокнот и карандаш, но не стала рисовать. Её пальцы дрожали, когда она закрыла сумку.

— Может, расстояние обманывает, — сказал я.

— Конечно, обманывает, — ответила она. — В пустыне так бывает. Мы просто не должны делать вид, что понимаем больше, чем понимаем.

Марк посмотрел на Сергея.

— Слышали? Даже учительница говорит, что мы не знаем, куда идём.

— Я знаю, к чему ты клонишь, — сказал Сергей. — Но назад мы не вернёмся, пока не поймём, можно ли вообще найти автобус.

— Мы уже его потеряли из виду.

— Это не значит, что мы не сможем вернуться.

— Нет, значит, что теперь мы будем гадать, с какой стороны он остался.

Сергей не ответил. Я заметил, что он посмотрел на следы за нами. Они были не такими ясными, как минуту назад. Порывы ветра срывали с гребней песок и засыпали отпечатки.

Я тоже обернулся. Следы шли от нас к дюне и исчезали за её изгибом. Я не мог сказать, где именно мы прошли. Если бы я остался один, вероятно, уже не нашёл бы автобус.

— Надо обозначать путь, — сказала Мила. — Я могу фотографировать каждый поворот.

— Снимки не помогут, если телефон сядет, — ответила Элина.

— Тогда будем оставлять отметки.

Анна Павловна предложила складывать камни в небольшие кучки там, где они попадутся. Камней вокруг почти не было, но иногда из песка выступали тёмные плоские плиты. Мы выбрали правило: отмечать каждый поворот и не расходиться дальше видимости.

Мила фотографировала. Элина записывала направление в блокнот. Сергей шёл впереди и ставил камни. Я старался запоминать всё, но пустыня не давала зацепиться за детали. Дюны повторялись, склоны были похожи, а тени менялись на глазах.

Через час мы остановились под небольшим выступом. Каменная полка давала узкую тень, куда уместились не все. Те, кто остался на солнце, стояли рядом и держали лица под козырьками ладоней. Тимур разрешил каждому сделать по одному глотку воды.

Я достал свою бутылку, но крышка не поддавалась. Пальцы стали скользкими от пота. Я потянул сильнее и задел ногтем кожу. Лера протянула руку.

— Дай.

Она открыла бутылку и вернула мне. Я сделал маленький глоток. Вода была тёплой, почти безвкусной, но горло перестало царапать.

— Спасибо.

— Не трать её быстро.

— Я понял.

Она посмотрела на меня так, будто не собиралась читать лекцию. Потом сделала глоток из своей фляги и убрала её в тень.

Сергей хотел, чтобы отдых длился пять минут. Тимур попросил десять: Оксана уже тяжело дышала, а Соня побледнела. Сергей согласился на восемь.

— Почему восемь? — спросил Марк. — Четыре — мало, десять — много?

— Потому что я сказал восемь.

— Убедительно.

Сергей посмотрел на него, но ничего не сказал. Кажется, он тоже устал спорить.

В тени я достал телефон и посмотрел на пустой экран. Он включился, но время всё так же не появлялось. Я открыл заметки и написал: «Автобус. Пустыня. Скалы. Вода». Потом смотрел на эти слова, пока экран не погас. Они выглядели как заметка, которую можно было оставить себе на потом. Будто я собирался рассказать кому-то всё это вечером.

Я добавил: «Лера».

Потом удалил. Не знал, зачем написал её имя. Возможно, боялся забыть, с кем познакомился. Возможно, хотел сохранить его отдельно от остальных.

Я убрал телефон, пока никто не видел.

Когда мы снова двинулись, Денис начал отставать. Он нёс сумку с аптечкой и старался не раскачивать повреждённую руку. Сергей предложил сменить его, но Денис отказался.

— Я не бесполезный.

— Я этого не говорил.

— Ты так смотришь.

Сергей остановился.

— Я смотрю, чтобы понять, кто справляется. Если тебе плохо, скажи сейчас, а не когда упадёшь.

Денис сжал челюсть, но отдал сумку мне. Она оказалась легче, чем я ожидал.

— Неси до следующей остановки, — сказал он. — Потом поменяемся.

Я кивнул. Мне хотелось сказать, что он не должен доказывать, что полезен, но я не знал его достаточно хорошо и не хотел превращать помощь в разговор о нём самом.

Солнце стало бить сбоку, и тени от камней вытянулись. Мы шли дольше, чем я думал. Возможно, прошло два часа. Возможно, больше. Время превратилось в ощущение жары, сухости и трения ткани о кожу.

В какой-то момент я понял, что слышу дыхание Леры. Она шла рядом, чуть чаще вдыхая на подъёмах. Её шаги оставались ровными. Я хотел предложить взять её сумку, но не был уверен, что она согласится.

— Тяжёлая? — спросил я.

— Нет.

— Если станет тяжело, скажи.

— Хорошо.

Она не посмотрела на меня. Я пожалел, что спросил: это прозвучало как фраза, которую говорят из вежливости, не ожидая ответа. Но через несколько минут Лера сама протянула сумку.

— Подержи, пока я поправлю ремень.

Я взял её. Внутри были вещи, но не много. Ткань пахла чистым мылом и чем-то сладким, может, яблоком. Я быстро отдал сумку, когда Лера закончила.

— Спасибо.

— Не за что.

На склоне впереди Юсуф вдруг поднял руку. Мы остановились. Он указал на песок у камней. Там тянулась тонкая линия следов — маленькие отметины, похожие на цепочку точек. Юсуф присел, не касаясь земли. Потом жестом показал скорпиона и опасность.

Лера перевела это по выражению лица и жестам.

— Он говорит, что здесь могут быть скорпионы. Смотреть под ноги и не садиться на камни, пока не проверим.

Сергей приказал двигаться осторожно. Марк поднял палку и проверил ближайшую расщелину. Из неё ничего не выползло. Соня отступила за Оксану.

— Они нападают? — спросила она.

Юсуф развёл руками и показал: не трогать — не тронут. Потом изобразил, как скорпион прячется в тени.

— Значит, аккуратно, — сказал Тимур. — И обувь не снимать.

Мы пошли дальше, держась ближе к открытым участкам, но там песок был рыхлее. Оксана начала жаловаться, что ей натирает нога. Она остановилась и сняла ботинок, несмотря на предупреждение. Сергей сразу попросил её не ставить ногу на песок.

— Я только посмотрю, — сказала она.

— Проверь ботинок палкой.

Марк протянул ей свою металлическую цепочку, но Оксана отказалась. Она осмотрела носок, встряхнула ботинок и нашла там комок песка. После этого надела его, не снимая второй.

— Вот. Никаких скорпионов.

— Пока, — сказал Марк.

— Не надо нагнетать.

— Я не нагнетаю. Я просто не хочу, чтобы кто-то решил, что пустыня обязана быть удобной.

Она резко повернулась к нему, но Соня взяла её за локоть. Оксана проглотила ответ и продолжила путь.

Ближе к вечеру скалы всё же начали увеличиваться. Это было заметно, хотя расстояние оставалось непонятным. На их склонах появились трещины и выступы. Анна Павловна сказала, что если мы дойдём до камней до заката, там можно будет переждать ночь. Никто не возразил.

Я посмотрел назад. Дюны тянулись до самого края зрения. Автобус давно исчез. Следов за нами тоже почти не было. От города не осталось ни одной приметы, кроме моей памяти о нём. Я попытался представить свою комнату: монитор, чашка, записка на кухонном столе. Все эти вещи существовали, но казались декорацией, которую кто-то убрал.

Я не знал, вернусь ли туда. Мы все этого не знали, хотя никто не говорил вслух.

Мы шли дальше, пока тень от скал не легла на песок узкой тёмной полосой. Сергей остановил группу и попросил не сбиваться в кучу. Он хотел осмотреть участок до того, как мы решим, что здесь можно остановиться.

Анна Павловна нашла плоский камень, похожий на ступень. Она поднялась на него, чтобы посмотреть поверх ближайшего выступа. Сергей попросил её спуститься и не рисковать, но она ответила, что лучше видит направление. Сказала это без вызова — просто как факт.

— Отсюда видно, что за гребнем? — спросила Элина.

— Пока нет. Ещё чуть выше.

Я увидел, как Анна поставила ладонь на скалу и подняла ногу. Камень под её подошвой осыпался. Всё произошло быстро: короткий скрежет, резкий взмах руками, потом тело ударилось о песок у основания уступа.

Сергей оказался рядом первым. Я тоже бросился к ней, но Лера схватила меня за рукав.

— Не толпитесь. Дайте ей воздух.

Анна Павловна лежала на боку, глаза были открыты. Она пыталась вдохнуть, но каждый вдох обрывался на полпути. Сергей осторожно придерживал её плечо, не позволяя двигаться. Лера опустилась на колени и спросила, где болит. Анна не смогла ответить словами, только показала на грудь и бедро.

— Денис, аптечку, — сказала Лера.

Она проверила дыхание, пульс, зрачки. Её руки двигались быстро, но голос оставался ровным. Я видел, как она сдерживает себя: губы плотно сжаты, взгляд ни на секунду не уходит от лица Анны.

— Не поднимайте её, — сказала Лера. — Возможно, повреждена грудная клетка или позвоночник.

— Что делать? — спросил Сергей.

— Оставить неподвижной. Следить за дыханием. Нужна помощь.

Последние слова повисли между нами. Вокруг не было ни дороги, ни связи, ни человека, к которому можно обратиться. Я достал телефон, хотя знал, что он не поймает сеть. Экран остался пустым.

Анна попыталась что-то сказать. Лера наклонилась ближе.

— Не говорите. Просто дышите.

Старуха моргнула, словно поняла. Её пальцы нашли край рукава Леры и слабо сжали ткань. Лера накрыла её ладонь своей.

Мы стояли вокруг, не зная, куда деть руки и глаза. Оксана отвернулась. Соня села на песок и закрыла лицо. Павел пытался найти в рюкзаках что-то, что могло бы помочь, но всякий раз возвращался с пустыми руками. Тимур достал воду, однако Лера покачала головой: Анна была в сознании, но глотать ей было трудно.

— Есть шанс? — спросил я.

Лера не ответила сразу.

— Я не знаю.

Она не стала говорить, что всё будет хорошо. Я был благодарен ей за это.

Сергей снял куртку и свернул её, положив рядом с головой Анны, не двигая шею. Денис принёс аптечку. Лера проверила, нет ли кровотечения, но видимых ран почти не было. Анна дышала тяжело, с короткими паузами.

— Надо перенести её в тень, — сказал Сергей.

— Не двигая позвоночник, — ответила Лера. — У нас нет носилок.

— Можно сделать из курток.

— Можно ухудшить травму.

Сергей посмотрел на неё, потом на открытое солнце. Он не возразил. Мы накрыли Анну куртками, укрыв голову от прямого света. Я сел рядом, потому что не мог придумать ничего другого. Она смотрела сквозь меня на небо.

Я подумал о том, что утром она сидела в автобусе и прижимала к груди сумку. Говорила о солнце, направлениях и ориентире. Она была человеком, который учил других находить путь на карте. Теперь карта не могла помочь ей даже на несколько метров.

Лера проверяла её пульс через каждые несколько минут. Каждый раз пальцы задерживались у запястья дольше. Сергей ходил вдоль края тени и смотрел на горизонт. Никто не говорил о том, что делать дальше.

Когда солнце стало клониться к скалам, Анна перестала отвечать. Лера наклонилась, прислушалась к дыханию и приложила пальцы к шее. Потом оставалась так неподвижно несколько секунд.

Она подняла голову.

— Она умерла.

Никто не переспросил.

Сергей отвернулся. Оксана закрыла рот ладонью. Соня заплакала тихо, без всхлипов. Я смотрел на Анну Павловну и не мог заставить себя почувствовать что-то цельное. Внутри была пустота, а за ней — страх, который ещё не нашёл слов.

Марк отошёл к скалам и ударил ладонью по камню. Один раз. Потом ещё. Он остановился, заметив, что я смотрю.

— Не надо, — сказал он.

Я ничего не сказал.

— Я не про тебя. Просто не надо смотреть так, будто ждёшь от меня чего-то.

— Я ничего не жду.

— Вот и хорошо.

Он сел отдельно, спиной к нам.

Сергей сказал, что мы не можем оставаться на открытом месте. Нужно найти площадку в тени и подготовиться к ночи. Лера попросила дать ей ещё несколько минут. Она закрыла Анне глаза и поправила куртку у плеча. Движения были осторожными, почти бытовыми, как будто надо было укрыть человека от сквозняка.

Мы нашли место у основания выступа. Каменная полка давала узкую тень, куда уместились не все. Здесь земля казалась твёрже. Сергей осмотрел расщелины, прежде чем разрешить остальным приблизиться.

— Ночуем здесь, — сказал он. — До темноты надо распределить воду и решить, кто будет дежурить.

Тимур поставил на землю пакет с едой. Элина достала блокнот и отметила место. Мила сделала несколько снимков скал и направления, откуда мы пришли. Юсуф указал на небольшую расщелину и попросил не подходить к ней без проверки.

Я опустился на камень. Ноги дрожали от непривычной ходьбы. Я снял рюкзак и почувствовал, как плечи сразу стали легче. В ушах шумело. Песок засыпал ботинки, заполз под носки и натёр кожу.

Лера села неподалёку и стала проверять сумку. Она достала бинт, антисептик, пластырь и маленькие ножницы. Потом посмотрела на меня.

— Ногу натёр?

Я пожал плечами.

— Кажется.

— Сними ботинок. Я посмотрю.

— Ничего страшного.

— Я не сказала, что страшное. Просто посмотри.

Я снял ботинок. На пятке кожа покраснела и местами содралась. Лера протёрла участок антисептиком. Я дёрнулся от жжения.

— Больно?

— Немного.

— Тогда не шевелись.

Она наклеила пластырь, прижала края и убрала аптечку. Работала быстро, не делая из этого события.

— Ты часто так делаешь? — спросил я.

— Перевязки? На занятиях.

— А настоящие раны?

Она покачала головой.

— Нет.

— Тогда мы оба примерно одинаково подготовлены.

— Я умею больше, чем ты.

— Это правда.

Она подняла на меня взгляд. На этот раз в уголках её губ мелькнуло что-то похожее на улыбку, но исчезло прежде, чем я успел понять, заметил ли я её правильно.

Вокруг нас люди устраивались на ночлег. Сергей проверял периметр, Денис рассматривал повреждённую руку, Тимур считал остатки еды. Марк ходил вдоль скал, не присоединяясь ни к кому. Он казался менее беспечным, чем в автобусе. Когда он останавливался, то смотрел на пустыню, будто ждал, что она первой отведёт взгляд.

Я опустил голову и прикрыл глаза. Сонливость вернулась, но уже не была мягкой. Она давила, смешиваясь с усталостью и тревогой. Музыка в памяти исчезла. Остался шорох песка и короткие голоса людей, с которыми утром я даже не знал имён.

Я лежал на камне и думал, что утром надо будет проснуться.

Не на своей кровати.

Не в своей комнате.

В пустыне, где ни один день не обещал быть похожим на предыдущий.

Я открыл глаза и посмотрел на Леру. Она сидела у края тени, держа в руках закрытую бутылку воды. На солнце её волосы казались почти чёрными. Она не заметила моего взгляда.

Сергей позвал всех собраться, чтобы решить, кто будет дежурить ночью. Я поднялся, чувствуя, как тянет пластырь на пятке, и пошёл к остальным.

До темноты оставалось немного времени.

Мы ещё не знали, что ночь здесь окажется холоднее, чем мы ожидали. Мы добрались не до самого гребня, а до каменистого участка, где несколько крупных плит образовывали уступ. Здесь была узкая полоса тени и земля казалась твёрже. Сергей осмотрел место, прежде чем разрешить остальным приблизиться.

— Ночуем здесь, — сказал он. — До темноты надо найти, где можно сесть, проверить камни и распределить воду.

Тимур поставил на землю пакет с едой. Элина достала блокнот и отметила место. Мила сделала несколько снимков скал и направления, откуда мы пришли. Юсуф указал на небольшую расщелину и попросил не подходить к ней без проверки.

Я опустился на камень. Ноги дрожали от непривычной ходьбы. Я снял рюкзак и почувствовал, как плечи сразу стали легче. В ушах шумело. Песок засыпал ботинки, заполз под носки и натёр кожу.

Лера села неподалёку и стала проверять сумку. Она достала бинт, антисептик, пластырь и маленькие ножницы. Потом посмотрела на меня.

— Ногу натёр?

Я пожал плечами.

— Кажется.

— Сними ботинок. Я посмотрю.

— Ничего страшного.

— Я не сказала, что страшное. Просто посмотри.

Я снял ботинок. На пятке кожа покраснела и местами содралась. Лера протёрла участок антисептиком. Я дёрнулся от жжения.

— Больно?

— Немного.

— Тогда не шевелись.

Она наклеила пластырь, прижала края и убрала аптечку. Работала быстро, не делая из этого события.

— Ты часто так делаешь? — спросил я.

— Перевязки? На занятиях.

— А настоящие раны?

Она покачала головой.

— Нет.

— Тогда мы оба примерно одинаково подготовлены.

— Я умею больше, чем ты.

— Это правда.

Она подняла на меня взгляд. На этот раз в уголках её губ мелькнуло что-то похожее на улыбку, но исчезло прежде, чем я успел понять, заметил ли я её правильно.

Вокруг нас люди устраивались на ночлег. Сергей проверял периметр, Денис рассматривал повреждённую руку, Тимур считал остатки еды. Марк ходил вдоль скал, не присоединяясь ни к кому. Он казался менее беспечным, чем в автобусе. Когда он останавливался, то смотрел на пустыню, будто ждал, что она первой отведёт взгляд.

Я опустил голову и прикрыл глаза. Сонливость вернулась, но уже не была мягкой. Она давила, смешиваясь с усталостью и тревогой. Музыка в памяти исчезла. Остался шорох песка и короткие голоса людей, с которыми утром я даже не знал имён.

Я лежал на камне и думал, что утром надо будет проснуться.

Не на своей кровати.

Не в своей комнате.

В пустыне, где ни один день не обещал быть похожим на предыдущий.

Я открыл глаза и посмотрел на Леру. Она сидела у края тени, держа в руках закрытую бутылку воды. На солнце её волосы казались почти чёрными. Она не заметила моего взгляда.

Сергей позвал всех собраться, чтобы решить, кто будет дежурить ночью. Я поднялся, чувствуя, как тянет пластырь на пятке, и пошёл к остальным.

До темноты оставалось немного времени.

Мы ещё не знали, что ночь здесь окажется холоднее, чем мы ожидали.

Глава четвёртая
Запасы

До темноты оставалось немного времени.

Сергей велел нам не расходиться, пока он не осмотрит камни. Он прошёл вдоль скального уступа, заглянул в две расщелины, проверил землю у стены и только потом махнул рукой, разрешая разбивать лагерь. Никто не спросил, что именно он искал. Наверное, все думали о том же: ядовитых животных, рыхлых камнях, месте, где можно укрыться от ветра. Я думал о том, что любое укрытие здесь будет временным и что ночь уже близко.

Солнце почти не изменило цвет, но его свет стал боковым. Тени потянулись по песку длинными полосами, и скалы перестали быть плоской тёмной линией. В их трещинах проступили коричневые и красные оттенки. От этого место казалось не менее чужим, а просто более настоящим.

— Сначала запасы, — сказал Тимур. — Потом дежурства и место для ночлега. Если не посчитать сейчас, потом будем спорить на ходу.

— Мы уже спорим, — заметил Марк.

— Значит, посчитаем, чтобы спорить предметно.

Тимур говорил негромко, но в его голосе было что-то такое, что люди слушали. Он поставил пакет на плоский камень и стал выкладывать содержимое. Бутылки, фляги, бутерброды, яблоко, сухари, пачка печенья. Всё выглядело слишком маленьким рядом с пустыней.

Элина достала блокнот.

— Надо записать, сколько и у кого. И кто что берёт.

— Не нужно записывать, кто что берёт, — сказала Оксана. — Мы все здесь, никто не собирается красть воду.

Элина подняла глаза.

— Я не говорила, что кто-то собирается. Запись нужна, чтобы точно знать запас.

— Когда начинается учёт, начинается делёжка.

— Делёжка началась, когда мы поняли, что воды мало.

— Хватит, — сказал Сергей. — Записывайте общий запас, не личные вещи.

Оксана посмотрела на него так, будто хотела спросить, кто дал ему право решать. Но спорить не стала. Она достала из внутреннего кармана небольшую бутылку и поставила рядом с остальными.

— Это моя. Я не хочу, чтобы её сразу выпили.

— Никто не собирается пить всё сразу, — сказал Тимур. — Мы распределим воду.

Он проверил крышки и объём. Три пластиковые бутылки были почти полными, две фляги — наполовину. У Юсуфа имелась небольшая фляга, у Диего — бутылка минералки, которую он держал в футляре с инструментом. У Марты была металлическая бутылка, у Чэнь — термос, почти пустой. Амина достала маленькую бутылку, в которой оставалось всего несколько глотков.

Всего воды оказалось меньше, чем я ожидал. Или, может быть, я ожидал, что кто-нибудь найдёт ещё. Что среди сумок будет запас, которого хватит на несколько дней. Но каждый приносил только то, что взял с собой в обычную поездку.

Тимур попросил Элину записать общий объём и отдельно отметить, какие бутылки можно наполнять. Он не называл точное количество литров, потому что часть ёмкостей была без делений. Мы договорились пить маленькими порциями и не открывать новые бутылки без необходимости.

— И когда будет необходимость? — спросила Соня.

Тимур посмотрел на неё.

— Когда станет плохо или когда решим, что надо пить. Я не могу обещать, что будет удобно. Могу только следить, чтобы мы не выпили всё сразу.

Соня отвела взгляд. Оксана положила ладонь ей на плечо.

— Она просто спросила.

— Я ответил, — сказал Тимур.

Он не хотел её обидеть. Это было заметно по тому, как он тут же смягчил голос и предложил ей сделать глоток. Соня отказалась. Оксана тоже.

— Пейте сейчас, пока не стало совсем сухо, — сказал Юсуф. Он сделал глоток из своей фляги и показал на нас, но не настаивал.

Тимур раздал каждому по маленькому глотку. Вода была тёплая и пахла пластиком. Я держал её во рту чуть дольше, чем надо, прежде чем проглотить. На секунду показалось, что этого достаточно. Потом снова пересохло.

— Еда, — продолжил Тимур.

Бутерброды оказались в бумаге. Одни были с сыром, другие с чем-то мясным. Яблоко было одно, красное, с вмятиной. Сухари занимали почти всю пачку, но были хрупкими и крошились. Печенье — четыре штуки. У каждого нашлось ещё что-то личное: батончик, конфета, пакет орехов, кусок хлеба. Тимур собрал всё вместе, но спросил, хочет ли кто-нибудь оставить еду при себе.

— Нет, — сказала Элина. — Если общий запас, он должен быть общим.

— Я оставлю одну конфету, — сказал Павел. — На случай, если мне понадобится моральная поддержка.

— Моральную поддержку надо заслужить, — ответила Оксана.

Павел неловко улыбнулся и положил конфету к остальным.

Марк остался стоять в стороне. У него не было ни бутылки, ни еды, по крайней мере он ничего не достал. Сергей посмотрел на него.

— У тебя есть запасы?

— Есть вода.

— Покажи.

— Зачем?

— Чтобы мы знали общий запас.

— Это моя вода.

— Если ты идёшь с нами, нужно понимать, сколько у нас осталось.

Марк сунул руки в карманы куртки. Его лицо не изменилось, но плечи напряглись.

— У меня одна фляга. Я не собираюсь её отдавать.

— Никто не просит отдать, — сказал Тимур. — Нам нужно знать, что она есть. Если кому-то станет плохо, это может быть важно.

— А если мне станет плохо, вы поделитесь? Или сначала спросите, сколько у меня осталось?

Сергей шагнул ближе.

— Мы делаем это, чтобы группа выжила.

— Группа — это когда людям доверяют, а не требуют выкладывать карманы.

Я вспомнил, как в автобусе Марк говорил, что не подчиняется Сергею. Тогда это звучало как привычная насмешка. Сейчас он говорил без улыбки. В его словах было больше страха, чем злости, но увидеть это мог только тот, кто смотрел внимательно. Я не был уверен, что смотрел достаточно внимательно.

— Никто не забирает твою флягу, — сказал я. — Просто отметим, что она есть.

Марк перевёл взгляд на меня.

— А ты кто, чтобы решать?

— Никто. Я просто пытаюсь понять, сколько у нас воды.

— Вот и понимай свою.

Он отвернулся и пошёл к краю площадки. Сергей сделал шаг за ним, но Тимур остановил его ладонью.

— Не сейчас. Он сам сказал, что у него есть вода. Этого достаточно.

— Пока, — сказал Сергей.

Тимур кивнул и продолжил раскладывать еду. Я заметил, что он не стал записывать флягу Марка. В блокноте Элины появилась короткая запись, которую она тут же зачеркнула.

— Вода у Марка есть, — сказал я. — Он не отказывается помогать, просто не хочет отдавать.

— Я не собираюсь заставлять его, — ответил Сергей. — Но если он станет пить за двоих, это будет проблемой.

— Он один.

— Пока.

Я хотел спросить, что именно он имеет в виду, но Сергей уже повернулся к Денису. Тот сидел у камня и прижимал к руке кусок ткани. Кожа вокруг запястья распухла и покраснела. Возможно, это был ушиб, но выглядело неприятно.

Лера подошла к нему.

— Можно посмотреть?

— Не надо. Просто задел.

— Ты говорил это и в автобусе.

— А ты уже знаешь, что я всегда так говорю?

— Я знаю, что ты не хочешь показывать руку.

Денис вздохнул и протянул ей запястье. Лера осторожно осмотрела его, попросила подвигать пальцами. Он поморщился, но все пальцы двигались. Она решила, что перелома, вероятно, нет, но отёк может увеличиться. Попросила не нагружать руку и держать её выше, насколько возможно.

— Ты же не врач, — сказал Денис.

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

— Учусь на медицинском. И ещё я видела, как выглядит вывих. Это не он.

Денис чуть улыбнулся, будто ему стало легче от того, что она не пыталась казаться увереннее, чем была.

— Ладно. Буду держать выше.

Она достала эластичный бинт из аптечки и обмотала запястье, не затягивая слишком сильно. Я следил за движениями её рук. На фоне споров и пустыни эта простая последовательность — проверить, спросить, перевязать — казалась почти надёжной.

— А если рука распухнет ещё? — спросил я.

— Скажу Сергею, чтобы Денис не нёс тяжёлое. И будем следить за пальцами.

— Ты всем будешь помогать?

Она закончила бинтовать и убрала конец под виток.

— Пока могу.

Это прозвучало не героически. Скорее как обещание, которое она давала не группе, а самой себе.

Сергей созвал нас ближе к скалам. Он хотел решить, где провести ночь. Каменистая площадка была неровной, зато давала немного тени. В одной части под уступом можно было сесть почти всем, но туда вела узкая расщелина. Юсуф предупреждал, что не стоит подходить без проверки. Денис сказал, что у него нет инструментов, чтобы расчистить её, но можно заглянуть с фонариком.

Сергей попросил меня включить телефон и посветить. Я включил фонарь, стараясь не тратить батарею зря, и направил луч внутрь. В расщелине виднелись сухие листья, песок и несколько мелких камней. Глубже была темнота.

Юсуф произнёс несколько слов, затем постучал палкой по камню. Изнутри ничего не выскочило. Он показал рукой, что можно осмотреть, но осторожно.

Марк вернулся с металлической цепочкой в руке.

— Если там что-то есть, пусть сначала познакомится с цепью.

Он провёл ею по песку у входа. На камне что-то шевельнулось — маленькая коричневая ящерица выскочила из расщелины и стремительно исчезла между камнями. Соня вскрикнула и отступила. Оксана обняла её за плечи.

— Я же говорил, — сказал Марк.

— Ты сказал, что там может быть что-то, — ответил Денис. — Там была ящерица.

— Теперь мы знаем, что тут живут ящерицы.

— И что их не надо трогать, — сказала Лера.

Она не улыбалась, но голос у неё стал мягче. Я вдруг подумал, что Лера не столько неразговорчивая, сколько не тратит слова без причины. Когда она говорила, люди чаще слушали.

Мы решили занять участок под выступом, но не заходить глубоко в расщелину. Сергей предложил сложить рюкзаки вдоль стены и оставить проход свободным. Тимур собрал еду в один пакет, чтобы её можно было быстро перенести. Элина записала, кто будет дежурить первым.

— Нужны два человека на каждую смену, — сказал Сергей. — Не стоять у края в одиночку. Если увидите движение, сначала разбудить напарника.

— Что считать движением? — спросил Павел. — Животное? Тень? Очередной мираж?

— Всё, что заставит тебя остановиться и присмотреться.

— А если это просто Марк опять решит прогуляться?

— Тогда разбудим Марка и спросим, что он делает.

Марк усмехнулся.

— У меня уже есть личная охрана.

Сергей распределил первую смену на себя и Дениса, вторую — на Юсуфа и Элину, третью — на меня и Леру. Я не ожидал, что меня поставят в пару с ней. Я посмотрел на список и почувствовал, как живот стянуло. Ночь, пустыня, неизвестные звуки. Я не знал, что от меня потребуется.

— Я не умею дежурить, — сказал я.

— Научишься, — ответил Сергей.

— А если я усну?

— Тогда Лера тебя разбудит.

Лера посмотрела на меня.

— Если сама не усну.

— Отличный план, — сказал Марк.

— Если есть лучше, говори, — ответил Сергей.

Марк ничего не предложил. Он присел у стены и принялся разбирать флягу, не показывая, сколько в ней воды.

Солнце опустилось за скалы. Свет стал краснее и теплее, но жара не ушла сразу. Воздух медленно остывал, и на коже выступил пот. Мы начали устраивать ночлег. Никто не хотел ложиться на голый камень, но у нас не было ни палаток, ни одеял на всех. Некоторые сняли куртки, чтобы подложить под себя. Я оставил свою рядом, пока ещё было тепло.

Тимур предложил разделить бутерброды и сухари на небольшие порции. Одну часть оставить на утро. Оксана спросила, почему не съесть всё сейчас, если завтра мы можем найти еду. Тимур ответил, что именно потому, что завтра неизвестно, нельзя оставаться без запаса.

— Если завтра мы найдём людей, нам не понадобится эта половина бутерброда, — сказала Оксана.

— Если не найдём, понадобится.

— Мы всё время готовимся к худшему.

— Мы уже в худшем, — сказал Марк.

Его голос прозвучал ровно. Оксана посмотрела на него, но на этот раз не ответила. Она взяла половину бутерброда и отдала Соне.

— Я не хочу, — сказала Соня.

— Съешь. Потом, может, не будет.

— Ты сама тоже ешь.

Оксана отломила кусок и положила в рот. Соня последовала её примеру.

Я получил кусок хлеба с сыром. Он был суховатый, но я съел медленно, стараясь не думать о том, что больше сегодня есть не придётся. Когда я проглотил последний кусок, во рту осталась солёная крошка. Я запил её небольшим глотком воды и сразу пожалел: хотелось пить ещё.

Лера сидела рядом, не притрагиваясь к своей порции. Я не стал спрашивать, почему. Через пару минут она съела половину, вторую завернула обратно.

— Не голодна? — спросил я.

— Пока нет.

— А потом?

— Потом посмотрим.

Она говорила так, будто научилась разбивать тревогу на короткие части. Не думать о завтра целиком, пока не закончился сегодняшний вечер. Я подумал, что мне стоило бы у неё этому научиться.

Пока мы ели, Тимур рассказывал, как в кафе приходилось готовить на случай, если поставщик опоздает. Он умел растянуть продукты, но никогда не работал с такими запасами. Рядом с ним Павел спросил, что можно сделать из песка, если совсем всё закончится. Тимур ответил: «Ничего съедобного», и Павел наконец не стал шутить.

Мила показала Сергею снимки. На одном автобус стоял под необычным углом, его колёса почти скрывал песок. На другом было видно длинную царапину на кузове и следы, уходившие в сторону дюн. Мила увеличила изображение и заметила на песке несколько тёмных полос.

— Это следы от автобуса? — спросил Денис.

— Не знаю. Слишком ровные.

— Может, от чего-то, что тащило его по земле.

— Или от ветра, — сказала Анна? Я вспомнил, что Анна Павловна сидела рядом, но она не сказала бы ничего подобного. Точнее, Анна Павловна уже предлагала ориентироваться, но сейчас молчала и смотрела на фотографию.

Я замер на мысли. Она всё ещё была здесь, рядом со мной, но я не знал её имени до этого дня. В обычной жизни я мог бы увидеть такую женщину в автобусе и забыть через пять минут. Теперь мне казалось важным запомнить, как она держит сумку и как говорит о направлении.

Мила перелистнула снимок. На заднем плане, за автобусом, было видно нечто вроде тёмной полосы у самого края горизонта. Она увеличила кадр, но изображение стало зернистым.

— Может, облако, — сказала Элина.

— Здесь облака нет, — ответила Чэнь по-китайски и указала на небо. Она повторила фразу медленнее, но никто не понял. Потом показала на снимок и провела пальцем горизонтально, затем сделала рукой знак, будто полоса движется боком.

— Она говорит, что заметила это? — спросила Лера.

Мила показала на Чэнь, потом на фотографию. Чэнь кивнула энергично. Она подняла ладонь, закрыла один глаз, посмотрела в сторону горизонта и повторила движение полосы. Я не понял, что именно она видела. Туман? Пыль? Тень? Может, ей просто показалось.

Сергей сказал, что утром проверим направление и решим, идти ли дальше вдоль скал или подняться на гребень. Сейчас темнота надвигалась, и никто не должен отходить от лагеря.

— А автобуса мы больше не найдём? — спросила Соня.

Сергей посмотрел на неё.

— Если будем идти назад по своим отметкам, возможно, найдём.

— А если отметки исчезнут?

— Тогда будем искать ориентиры.

Это был не ответ, и все поняли.

Когда стемнело, пустыня изменилась. Днём она казалась пустой, потому что свет заливал всё одинаково. Теперь каждая тень обрела края. Камни стали темнее, песок — холоднее на вид. Над нами появились звёзды. Я не смог бы назвать ни одного созвездия. Небо было намного яснее, чем в городе, и от этого казалось ближе.

Мы расселись под уступом. Разговоры стихли. Кто-то укутался курткой, кто-то натянул капюшон. Я положил рюкзак под голову и всё равно не мог найти удобное положение. Камень упирался в плечо, песок забивался в воротник. Мне хотелось вернуться в автобус, в тесный салон с мутными окнами и запахом мокрой одежды. Даже заклинившая дверь казалась сейчас чем-то знакомым и почти безопасным.

Я посмотрел туда, где он исчез. В темноте дюны слились в одну длинную линию. Я не видел даже места, откуда мы пришли.

— Ты не спишь? — спросила Лера.

Она сидела у края нашего участка, обняв колени. Я поднял голову.

— Нет.

— Из-за дежурства?

— Из-за всего.

Она кивнула и чуть подвинулась, оставляя мне место рядом. Я сел. Пару минут мы молчали. Вдалеке песок тихо шуршал под ветром.

— Ты сказала, что едешь на практику, — произнёс я. — Давно хотела быть врачом?

— Не знаю. Я хотела понимать, что делать, когда кому-то плохо.

— Это не одно и то же?

— Не всегда. Врач должен много знать. Я пока только учусь.

— Но сегодня ты помогла Денису.

— Это было простое.

— Всё равно помогла.

Лера провела пальцем по краю рукава.

— Иногда люди думают, что если ты учишься на медика, то обязан знать ответ на всё. А я не знаю. Это пугает.

— Меня пугает, когда от меня ждут вообще чего-нибудь.

Она посмотрела на меня. В темноте я видел только очертания лица.

— Почему?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Наверное, потому что обычно легче не делать ничего, чем сделать неправильно.

— Но иногда ничего — тоже решение.

— Да.

Мне захотелось рассказать ей о своей обычной жизни, о том, что я не понимаю, чем занят весь день и зачем просыпаюсь каждое утро. Но здесь, рядом с людьми, у которых были дети, работа, учёба, родные, всё это звучало бы мелко. Я не сказал.

Лера тоже не стала спрашивать. Она смотрела на звёзды. Одна её рука всё ещё держала край рукава, словно она пыталась не дать ткани сползти с запястья.

— Пойдёшь спать, когда закончится наша смена? — спросила она.

— Если не усну на дежурстве.

— Я тебя разбужу.

— Ты же сама можешь уснуть.

— Тогда Марк разбудит нас обоих. Он всё равно не выглядит человеком, который собирается спать.

Мы посмотрели в его сторону. Марк сидел отдельно, колени подтянуты к груди, руки лежали на них. Он не смотрел на нас, но по тому, как повернулась его голова, я понял, что он слышал.

— Я не нянька, — сказал он.

— Никто не просил, — ответила Лера.

— Хорошо.

Он опять отвернулся. Я не знал, почему его слова показались мне менее резкими, чем раньше. Может, потому что теперь он не пытался смешить нас или задевать Сергея. Он просто хотел оставаться один.

Сергей позвал первую смену. Он и Денис должны были следить до полуночи. Остальным он предложил ложиться. Мы с Лерой были третьими, перед рассветом. До этого времени оставалось несколько часов.

Я лёг на бок, натянул куртку на плечи и закрыл глаза. Сон не приходил. Каждый шорох заставлял меня открывать их снова. Иногда казалось, что кто-то идёт по песку. Иногда — что слышен двигатель. Один раз я услышал короткий металлический звук и резко сел, но это был Марк: он щёлкал кольцом о карабин на ремне.

Постепенно разговоры стихли. Я слышал, как Сергей и Денис негромко переговариваются у края тени. Потом и их голоса пропали. Над пустыней повисла ночь, и вместе с ней — ощущение, что вокруг нас слишком много места.

Я подумал о том, что утром мне надо будет проснуться.

Не на своей кровати.

Не в своей комнате.

В пустыне, где каждый следующий день зависел от тех, кто был рядом.

Я перевернулся на спину и посмотрел на небо. На секунду мне показалось, что звёзды двигаются, хотя я понимал, что это просто усталые глаза пытаются удержать неподвижные точки. Я моргнул. Они остались на месте.

В обычной жизни у меня были часы на телефоне, расписание автобусов и знакомая дорога. Можно было не запоминать, где поворачивать: тело само знало, когда выходить. Здесь не было ничего, что повторялось бы достаточно часто, чтобы стать привычкой. Каждый склон выглядел похожим на предыдущий, но ни один не обещал привести туда же.

Я достал телефон, включил экран и открыл сообщения. Последним было то самое: «Сегодня зайдёшь?» Ответа я так и не дождался. Связи не было, но сообщение сохранилось. Я посмотрел на имя друга и попытался представить, что он сейчас делает. Наверное, уже встал,

собирается на работу или ещё спит. Может, пишет кому-то другому. Может, в игре ждёт, пока я появлюсь вечером.

Мы никогда не обсуждали, что будет, если один из нас надолго исчезнет. Это казалось ненужным вопросом. Я подумал, что, если вернусь, отвечу ему. Не «посмотрим» и не «не знаю». Напишу что-нибудь ясное. Например: «Да, зайду». Или хотя бы объясню, почему не могу.

Я выключил экран и снова убрал телефон.

Сергей прошёл мимо нас и проверил, все ли устроились. Он остановился возле меня.

— Спи. У вас смена под утро.

— Я не сплю.

— Глаза закрой. Может, получится.

Он не сказал это как приказ. Скорее как совет человека, который сам давно устал. Я посмотрел, как он отошёл к Денису. Они тихо говорили о руке и о том, не усиливается ли боль. Сергей принёс ему свою куртку, чтобы подложить под локоть.

Я подумал, что, возможно, Сергей тоже не знает, что делает. Просто делает следующий шаг, потому что кто-то должен.

Это почему-то немного помогло.

Я закрыл глаза. На этот раз не стал ждать, что усну сразу. Считал вдохи, пока счёт не потерялся. Слушал песок, который шуршал у камней. Слышал, как неподалёку Оксана тихо говорит с Соней, а Соня отвечает ей коротко и недовольно. Потом голоса затихли.

Через какое-то время холод проник под куртку. Я подтянул ноги к груди и почувствовал, как ноют мышцы бёдер. Тёплый день ушёл так быстро, словно его и не было. Я не знал, сколько градусов стало вокруг, но кожа на руках покрылась мелкими мурашками, а нос замёрз.

Кто-то зашевелился рядом и развернул ткань. Я открыл глаза. Лера укрывала плечи шарфом, который принесла из автобуса. Она заметила, что я смотрю, и протянула край.

— Возьми. У тебя руки совсем холодные.

— А тебе?

— У меня есть свитер.

Я хотел отказаться, но она уже положила шарф между нами. Я накрыл им руки и часть груди. Ткань была мягкой и пахла пылью, но теплее, чем воздух.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Она снова отвернулась. На этот раз я не стал искать в её молчании скрытый смысл. Просто принял шарф и немного согрел пальцы.

В темноте щёлкнуло кольцо Марка. Потом он тихо выругался. Мне захотелось спросить, почему он не спит, но я не стал. Мы все боялись закрыть глаза. Возможно, каждый думал, что если будет бодрствовать, то сможет первым заметить опасность. Или просто не хотел оставаться один на один с тем, что происходило.

Я снова представил автобус. Кепка на сиденье, трещина на стекле, пустое водительское место. Вспомнил, как встал к кабине и увидел след крови у педалей. Мы ничего не знали о водителе. Возможно, он выпал при ударе. Возможно, ушёл за помощью. Возможно, его никогда не было. Я понимал, насколько глупо последнее предположение, но мысль всё равно возникала.

Если водитель жив, он может быть где-то в пустыне. Если он ушёл за помощью, он может не вернуться. Если он погиб, мы даже не знаем, где его искать.

Я не сказал этого никому. Не хотел добавлять ещё одну неизвестность к тем, что уже были.

В какой-то момент Сергей поднялся и отошёл от лагеря. Я заметил это сквозь сонливость и приподнялся.

— Куда он?

Денис открыл глаза.

— Проверить склон.

— Один?

— Он сказал, что рядом.

Я посмотрел на темноту, куда ушёл Сергей. На фоне звёзд его фигура не просматривалась. Несколько секунд я прислушивался, потом услышал его шаги по камням. Он вернулся и сел у входа под уступ, положив рядом рюкзак.

— Всё нормально? — спросил Денис.

— Ничего не увидел.

Сергей достал из кармана маленький фонарь, проверил его и снова убрал. На лице у него было то же выражение, что и днём: собранное, но не спокойное. Он не был человеком, который не боится. Он просто не позволял страху принимать решения за него.

Денис пошевелил забинтованной рукой.

— Думаешь, нас найдут?

Сергей посмотрел на небо.

— Не знаю.

— Это не очень обнадёживает.

— Я не хочу обнадёживать. Хочу, чтобы мы продержались до утра.

Денис кивнул и снова лёг. Я остался с этой фразой. Продержаться до утра. Не спасти всех, не найти дорогу домой, не понять, как мы попали сюда. Просто добраться до следующего утра.

Может, так и надо было думать. Небольшими отрезками, которые можно пройти.

Перед тем как сон всё-таки начал тянуть меня вниз, я услышал, как Лера шепчет что-то себе под нос. Не молитву, скорее список: аптечка, вода, бинты, люди. Она повторяла имена, чтобы запомнить. Я тоже начал повторять их про себя.

Сергей. Денис. Лера. Марк. Тимур. Оксана. Соня. Анна Павловна. Элина. Роман. Мила. Павел. Юсуф. Марта. Чэнь. Диего. Амина.

Семнадцать человек.

Я остановился на своём имени и не добавил его в список. Не знаю почему.

Я подумал о том, что утром мне надо будет проснуться.

Не на своей кровати.

Не в своей комнате.

В пустыне, где каждый следующий день зависел от тех, кто был рядом.

Тогда я ещё не понимал, что на следующий день придётся решать, кого из нас считать своим.

Глава пятая
Первый переход

Когда я проснулся, небо было ещё тёмным, но песок уже не казался чёрным. Над дальними скалами проступила узкая бледная полоса, и от неё тянуло холодом. Я лежал, не сразу понимая, где нахожусь. Камень давил на плечо, рукав куртки сбился под бок, во рту пересохло.

Потом я услышал, как рядом кто-то тихо спорит.

— Я говорил, что надо было взять ещё одну бутылку, — сказал Марк.

— Ты говорил, что не собираешься ничего отдавать, — ответил Сергей.

— Это не мешает мне говорить, что вы плохо считаете.

Я сел. Все вокруг выглядели так, будто спали не ночь, а несколько минут. Лица серые от усталости, волосы в песке, одежда смятая. Оксана сидела, обхватив себя руками. Соня прислонилась к её плечу и не открывала глаз. Тимур уже складывал продукты обратно в пакет.

— Что случилось? — спросил я.

— Ничего, — сказал Сергей. — Собираемся.

— У нас проблема с водой, — сказал Тимур. — Одна фляга протекает.

Он показал на металлическую бутылку Марты. На боку была трещина возле горлышка, и вода медленно сочилась по резьбе, оставляя тёмный след на песке.

Марта говорила быстро по-польски, показывала на флягу и повторяла жест, будто затягивала крышку. Она была расстроена, но не паниковала. Юсуф подошёл, осмотрел бутылку и попробовал подогнуть металл у горлышка. Вода продолжала просачиваться.

— Перелейте, — сказала Элина.

Тимур распределил остаток в две другие ёмкости. Мила достала кусок ткани, чтобы обернуть треснувшее место, но это только замедлило утечку. Флягу решили оставить пустой и нести на случай, если позже понадобится другая ёмкость.

Я смотрел, как вода исчезает из одной бутылки в другую. Хотелось сказать, что надо было беречь её лучше, но никто не виноват в том, что металл треснул. Вчера мы всё ещё верили, что сможем просто найти дорогу. Сегодня уже считали каждую каплю.

Сергей объявил, что надо идти к скалам и держаться вдоль каменной гряды. Юсуф предложил двигаться по твёрдому грунту у основания, а не подниматься по песчаному склону. Анна Павловна согласилась: так будет легче отмечать путь. Мила предложила снимать каждый поворот, но батареи у всех садились, поэтому она оставила камеру выключенной до нужного момента.

— Сколько пройдём сегодня? — спросила Оксана.

— Пока не найдём тень и не решим, что дальше, — ответил Сергей.

— Это не расстояние.

— Другого у нас нет.

Оксана ничего не сказала. Она достала телефон, посмотрела на фотографию мальчика на заставке и снова спрятала его. Я заметил, что она делает это каждый раз, когда Сергей говорит о пути. Наверное, думает о сыне. Я не мог представить, каково это — знать, что дома тебя ждут, и не иметь способа сказать, где ты.

Мы поднялись. Ночь выстудила одежду, но на открытом месте тело быстро согрелось. Ноги болели после вчерашнего перехода. Моя правая пятка саднила под пластырем, и я старался наступать осторожно. Камень под подошвой был твёрдым и неровным; песок забивался в ботинок при каждом шаге.

Мы двинулись в сторону скал.

Первые полчаса путь казался легче, чем вчера. Земля у основания уступа была плотной, иногда попадались плоские каменные участки. Я шёл за Лерой и следил, чтобы не задевать её сумку. Вчера мы почти не разговаривали. Сегодня молчание стало другим — не таким неловким. Мы уже знали, что молчать рядом можно.

Сергей шёл впереди, часто останавливался и сверялся с Анной Павловной. Она не пыталась изображать уверенность. Смотрела на солнце, на гряду и на следы, которые оставляли наши ботинки. Иногда просила всех подождать, чтобы отметить направление в блокноте.

— Если мы будем слишком часто останавливаться, потеряем время, — сказал Сергей.

— Если не будем отмечать, можем потерять дорогу, — ответила она.

Сергей кивнул. Они договорились делать отметку на каждом крупном изгибе скал. Камней было достаточно: мы складывали их в маленькие пирамидки или клали одну плоскую плитку поверх другой. Это казалось детским способом ориентироваться, но другого у нас не было.

Пока мы шли, Павел пытался поддерживать разговор. Он рассказывал о доставках, которые сорвались из-за адресов, написанных с ошибками. Сначала я слушал. Потом слова стали сливаться с шагами. Он говорил быстро, как будто боялся, что если замолчит, услышит собственные мысли.

— Однажды меня отправили в дом, которого не было, — сказал он. — На карте адрес есть, на табличке улица есть, а дома нет. Пустырь. Я стою с пакетом, звоню клиенту, а он говорит: «Я вас вижу». Я поворачиваюсь — никого. Потом из-за забора выглядывает собака с моим заказом в зубах.

— И чем всё закончилось? — спросила Соня.

— Собака съела половину. Клиент поставил мне одну звезду.

Соня усмехнулась. Оксана не улыбнулась, но перестала хмуриться. Павел заметил это и продолжил, уже тише.

Марк шёл поодаль, но слушал. Когда Павел повторил, что клиент поставил ему одну звезду, Марк сказал:

— Надо было поставить собаке пять.

Павел засмеялся. На этот раз кто-то ещё тоже улыбнулся. Я поймал себя на том, что мне хочется улыбнуться, но лицо будто забыло, как это делается. Я всё-таки выдавил короткий смешок.

Лера взглянула на меня, заметила, но ничего не сказала.

Утро постепенно разгоралось. Солнце поднялось выше, и тень от скал стала уже. Мы шли вдоль каменной стены, иногда огибая выступы. В одном месте путь перегородила дюна, наметённая вплотную к скалам. Сергей хотел подняться на неё, чтобы посмотреть, что дальше. Юсуф покачал головой и показал на рыхлый склон. Потом указал на узкий проход между камнями.

Мы пошли через проход. Там было тесно, и рюкзаки цеплялись за острые выступы. Денису пришлось идти последним, чтобы не задевать перевязанную руку. Я предложил нести его сумку, но он сказал, что справится. Через несколько шагов ремень соскользнул с плеча, и сумка упала на камень.

Я поднял её, не спрашивая.

— Давай до выхода донесу, — сказал я.

Денис посмотрел на меня, хотел возразить, но рука болела. Он кивнул.

За проходом земля резко поднялась. Впереди оказался каменистый склон, а над ним — узкий гребень. Сергей решил подняться туда, чтобы осмотреть местность. Анна Павловна сказала, что с высоты можно увидеть, продолжается ли гряда дальше. Оксана возразила: подъём займёт силы, а после него придётся спускаться.

— Если там ничего нет, возвращаемся к нижней тропе, — сказал Сергей.

— А если есть? — спросил Марк.

— Тогда решим по месту.

— Ты все решения откладываешь до момента, когда мы уже там.

— Потому что пока мы здесь, у нас недостаточно информации.

— И кто решил, что ты главный?

Сергей посмотрел на него. Ветер шевельнул песок у наших ног.

— Никто. Но кто-то должен следить, чтобы мы не разбрелись.

— Я не спорю с этим. Я спорю с тем, что ты считаешь своё решение единственным.

— Тогда предложи другое.

Марк отвернулся. Он не хотел подниматься, но и оставаться внизу один не собирался. Я подумал, что он не столько против Сергея, сколько против того, чтобы снова оказаться под чьей-то властью. Но сказать это вслух было бы слишком смело для меня.

Мы поднялись по склону.

Камни шатались под ногами. Песок осыпался вниз. Я несколько раз поскользнулся, хватаясь за выступы. На середине подъёма дыхание стало тяжёлым, хотя склон был не таким уж высоким. В рюкзаке тяжесть казалась вдвое больше. Я остановился, согнувшись, и почувство-

вал, как сердце стучит в груди. Не от страха — от усилия. Я давно не ходил так долго, не занимался спортом и не привык таскать на себе вещи.

Сергей обернулся.

— Всё нормально?

Я кивнул, хотя не был уверен.

— Скажи, если надо остановиться.

— Не надо.

Лера стояла чуть ниже и ждала. Она не торопила. Я выпрямился и продолжил.

На гребне мы остановились. Внизу тянулась долина из песка и камней. Скальная гряда поворачивала на северо-восток, а за ней виднелась ещё одна линия тёмных холмов. Никаких построек, дорог или дыма. Только пустыня, которую стало видно ещё дальше.

Анна Павловна провела пальцем по блокноту, сверяясь с солнцем.

— Если мы продолжим вдоль гряды, будем идти в сторону этих холмов. Возможно, там есть низина или выход к другой местности.

— Возможно? — переспросила Оксана.

— Я не могу обещать больше.

— Значит, мы просто идём наугад.

— Мы идём туда, где видим ориентир, — сказал Сергей. — Это лучше, чем стоять.

Оксана отошла к краю гребня, но не стала смотреть вниз. Она держала телефон в руке, будто могла дозвониться до сына, если поднимет его выше. Соня подошла к ней и что-то сказала. Оксана прижала её к себе. Я не расслышал слов.

С вершины было видно, насколько маленькой стала наша группа. Семнадцать человек, растянувшихся на склоне, каждый со своей сумкой и своей усталостью. Если бы я увидел нас сверху, мы показались бы случайными фигурами, которые пересекают пустое место без причины.

Я подумал, что в колледже иногда не мог подняться на третий этаж без лифта, если был уставшим. Сейчас я поднялся на скалу, потому что другого пути не было. Это не делало меня сильным. Просто выбор исчез.

— Там дальше пологий спуск, — сказал Денис, показывая на уступ с другой стороны. — Можно обойти дюну и снова выйти к стене.

Он говорил увереннее, когда речь шла о механике или конструкции. Скалистый склон был для него похож на сломанный узел, который можно разобрать, если правильно посмотреть.

Сергей решил спускаться по одному. Юсуф пошёл первым и проверил опору. Потом спустились Мила и Чэнь. Чэнь всё время смотрела на горизонт и показывала на тёмные полосы между холмами. Мила пыталась понять, что она имеет в виду, но разговор жестами не складывался. Чэнь нарисовала пальцем на песке две параллельные линии, затем перечеркнула их и указала на небо.

— Она говорит, что видит что-то дальше, — сказала Мила. — Или что линии повторяются.

— Пусть объяснит позже, — сказал Сергей. — Сейчас спускаемся.

Чэнь недовольно покачала головой, но пошла дальше.

Когда очередь дошла до меня, я поставил ногу на камень, который выглядел надёжно. Он качнулся. Я резко ухватился за стену, сдирая кожу с ладони. Лера оказалась рядом и поддержала меня за плечо. Я удержался.

— Спасибо.

— Не смотри вниз, — сказала она.

— Я и не смотрю.

— Ты смотришь.

Я перевёл взгляд на каменную стену перед собой. В ней была трещина, забитая мелкой пылью. Я сосредоточился на ней и медленно спустился.

Когда мы оказались внизу, я увидел кровь на ладони. Порез был неглубоким, но песок уже попал в него. Лера промыла его остатком воды из маленькой бутылки, потом заклеила пластырем.

— Ты сегодня всё время кому-то помогаешь, — сказал я.

— Это не так.

— Денису, мне…

— Я перевязала руку. Это не значит, что я знаю, как нас отсюда вывести.

— Я не говорил, что знаешь.

Она замолчала. Я понял, что задел её, хотя не хотел. Мне казалось, что я просто отметил очевидное. Но, возможно, она устала от того, что все видят в ней медика и ждут, что она спасёт их.

— Прости, — сказал я.

Лера посмотрела на пластырь.

— Ничего.

Мы продолжили идти.

За гребнем путь оказался хуже. Скалы местами заканчивались, и приходилось переходить по песку. Ветер стал сильнее. Он гнал мелкую пыль низко над землёй, забивал глаза и рот. Я поднял воротник, но это почти не помогало. Песчинки царапали губы. Я старался не открывать рот, пока не приходилось дышать глубже.

Оксана начала отставать. Соня шла рядом с ней и старалась не показывать усталость. Сергей предложил сделать остановку у следующего выступа. Оксана сказала, что нормально. Через минуту она споткнулась и упала на одно колено.

Сергей остановил группу. Лера подошла к Оксане, но та поднялась раньше, чем её коснулись.

— Я сказала, что нормально.

— Ты упала, — сказал Сергей.

— На камень. Я не сломалась.

— Мы можем передохнуть пять минут.

— Я не хочу, чтобы вы из-за меня останавливались.

— Тогда не падай, — сказал Марк.

— Замолчи, — резко бросила Оксана.

Марк поднял руки и отошёл. Оксана посмотрела на него, потом на Соню. Она хотела что-то сказать дочери? Нет, не дочери — Соне. Я поймал себя на этой ошибке и отвёл взгляд.

Мы остановились. Тимур дал Оксане глоток воды. Она отказалась, но он не убрал бутылку, пока она не сделала маленький глоток. Соня тоже попросила, но Оксана сказала, что ей надо подождать. Тимур покачал головой и отмерил ей столько же, сколько остальным.

— Она ещё ребёнок, — сказала Оксана.

— Ей семнадцать, — ответил Тимур. — Она идёт вместе со всеми.

Соня взяла бутылку и отпила. Оксана отвернулась. В её лице было что-то усталое и обиженное, будто она хотела защитить Соню от мира, который уже не спрашивал разрешения.

Во время остановки Денис проверил руку. Отёк немного увеличился. Лера сказала, что надо снять бинт и перемотать свободнее. Денис возразил, но она объяснила, что пальцы у него должны оставаться тёплыми и не неметь. Он согласился.

Я смотрел на их разговор и думал о том, как странно распределяются роли. В обычной жизни Денис, наверное, каждый день чинил вещи, которые мы не замечаем, пока они работают. Сейчас он был раненым человеком, который не мог даже держать сумку. Лера, студентка, которая боялась не справиться, стала человеком, к которому обращались за помощью. Сергей,

военный, командовал людьми, которые ни разу не видели его раньше. А я — человек, который не мог заставить себя встать с кровати без нескольких попыток, — шёл по пустыне и нёс аптечку.

Ничего из этого не делало нас другими. Просто привычные вещи больше не помогали.

Когда мы снова пошли, солнце стало выше. Я почувствовал, как кожа на затылке горит под волосами. Сначала это была просто неприятная жара. Потом каждый шаг стал требовать больше усилий. Я начал считать: десять шагов — вдох, десять — выдох. На двадцатом сбился. На тридцатом снова вспомнил. На каждом подъёме рюкзак тянул назад.

Я хотел попросить остановиться. Слова уже были у меня во рту, но я представил, как все будут ждать, пока я отдышусь, и проглотил их. Это была глупость. Я знал. Но говорить о слабости оказалось труднее, чем тащить тяжёлую сумку.

Лера заметила, что я отстал.

— Тебе плохо?

— Нет.

— Ты побледнел.

— Тут просто жарко.

— Это и есть причина.

Она взяла у меня аптечку, не спрашивая.

— Я могу нести.

— Знаю. Но сейчас понесу я.

Я хотел возразить, но понял, что она не пытается меня унизить. Она просто распределяла нагрузку. Я позволил ей взять сумку.

— Скажешь Сергею, что нужна остановка? — спросила она.

— Нет. Дойду.

— Илья.

Она произнесла моё имя спокойно, но я услышал в нём предупреждение.

— Ладно. Через немного.

— Скажи сейчас.

Я посмотрел на переднюю часть группы. Сергей шёл рядом с Юсуфом и Анной Павловной. Марк разговаривал с Денисом. Остальные молчали. Никто не выглядел бодрым.

— Сергей, — крикнул я.

Он обернулся.

— Нужно остановиться.

Слова прозвучали громко. Я почувствовал, как на меня посмотрели. На секунду захотелось забрать их обратно.

Сергей поднял руку.

— До того выступа. Там будет тень.

Мы дошли до выступа и опустились на камни. Не было сил даже снять рюкзаки сразу. Я сел и закрыл глаза. В голове пульсировало. Лера положила ладонь мне на плечо.

— Не ложись полностью. Сядь, чтобы спина была выше.

Я сделал, как она сказала. Она дала мне несколько глотков воды, не больше. Я пил медленно. Вкус воды был уже не просто тёплым — она отдавалась пластиком и металлом.

— Мы далеко прошли? — спросил я.

— Не знаю. Может, несколько километров.

— Это всё?

— Для первого дня достаточно.

— А нам надо сколько?

— Не знаю.

Она снова не стала обещать. Я понял, что все наши разговоры о расстоянии бессмысленны, пока мы не знаем, куда идём. Группа могла пройти километры и всё равно не приблизиться к спасению.

Тимур проверил бутылки. Уровень воды заметно снизился. Он попросил не пить до следующей остановки, если никто не почувствует себя плохо. Оксана возмутилась, что нельзя просто назначить людям жажду по расписанию. Тимур ответил, что не назначает жажду, а пытается сохранить воду.

— Мы не можем пить только когда падаем, — сказала Лера.

— Я не говорил ждать, пока кто-то упадёт.

— Тогда надо определить, сколько можно пить и когда.

Тимур помолчал. Он не был врачом и не хотел изображать специалиста. В конце концов они договорились не вводить жёсткий запрет: пить маленькими глотками по необходимости, а остаток распределять на вечер и утро. Сергей предложил каждому сообщать, если становится дурно или начинает болеть голова.

— Только не скрывать, — добавил он.

Я вспомнил, что сам только что пытался скрыть усталость, и опустил глаза.

Пока мы отдыхали, Юсуф показал на дальний склон. Он говорил коротко и жестами объяснил, что там можно идти по тени, но придётся свернуть от гряды. Сергей хотел придерживаться выбранного направления. Анна Павловна предложила свериться с ориентирами. Мила включила камеру и сделала несколько кадров, чтобы позже сравнить расположение скал.

Чэнь снова попыталась объяснить что-то про тёмную линию на горизонте. Она показывала на запад и рисовала пальцем длинный овал. Потом сделала движение, будто тень ползёт. Мила спросила, движется ли линия. Чэнь кивнула. Сергей посмотрел туда, но ничего не увидел.

— Может, пыль, — сказал Денис.

Чэнь покачала головой и нахмурилась. Она повторила жест, уже резче. Никто не понял.

— Мы проверим позже, — сказал Сергей. — Сейчас идём дальше.

Чэнь ответила по-китайски и отвернулась. Мила задержала на ней взгляд, будто хотела извиниться, но не знала как.

Когда мы поднялись, я почувствовал, что ноги стали ватными. Каждый шаг требовал усилия. В ботинках хлюпал песок. Пластырь на пятке отклеился с одного края и тёр кожу. Я знал, что надо попросить Леру посмотреть, но не хотел останавливаться снова.

Я смотрел на спину человека впереди и двигался за ней. Иногда это было единственное, что я мог делать: не выбирать маршрут, не понимать пустыню, не думать о будущем. Просто ставить ногу туда, куда поставил тот, кто шёл передо мной.

На очередном подъёме впереди показалась расщелина между двумя массивными камнями. Сергей отправил Юсуфа проверить её. Тот прошёл внутрь, поманил нас следом. Проход был узкий, но в тени прохладнее. Мы растянулись по одному. Камни касались плеч и рюкзаков. В некоторых местах приходилось боком протискиваться между стенами.

На середине прохода у Милы зацепился ремень камеры. Она остановилась, и группа сзади упёрлась в неё. Кто-то выругался. Мила потянула ремень, он натянулся сильнее.

— Не дёргай, — сказал Денис. — Поверни корпус.

Она повернулась, но камера ударилась о камень. Ремень лопнул. Мила успела поймать аппарат, но крышка объектива отлетела и скатилась в песок.

— Чёрт, — сказала она.

Павел поднял крышку и протянул ей. Мила проверила фотоаппарат. Он включался, но экран треснул.

— Работает? — спросила Элина.

— Пока да.

— Тогда береги его.

Мила кивнула. Для неё камера была не просто вещью. Она держала её обеими руками, как будто вместе с ней мог исчезнуть единственный способ доказать, что мы здесь были.

Когда мы вышли из прохода, перед нами открылся широкий участок песка. Скалы прерывались, и дальше путь лежал через небольшую долину. Сергей сказал, что надо пересечь её до того, как солнце начнёт опускаться. Мы снова двинулись.

Долина оказалась длиннее, чем выглядела. Песок здесь был рыхлый и мелкий. Каждый шаг проваливался почти до середины подошвы. Я сначала пытался идти быстро, но быстро понял, что так только сильнее устаю. Пришлось делать короткие шаги, переносить вес медленно и не поднимать ноги выше необходимого.

Солнце пекло в спину. Пот стекал по вискам, но быстро высыхал. Губы стали сухими и потрескались. Я облизывал их, от чего становилось хуже. Песок скрипел на зубах.

Оксана начала дышать часто. Соня предложила взять её сумку. Оксана отказалась. Через несколько минут Соня сама споткнулась, и Оксана взяла её за руку.

— Не смотри на меня, — сказала Соня. — Я просто запнулась.

— Я и не смотрю.

— Смотришь.

— Иди.

Соня выдернула руку, но продолжила рядом. Их разговоры были короткими и резкими, но они не отходили друг от друга.

Денис шёл медленно. Его рука висела у груди, прижатая к телу. Сергей предложил ему опереться на плечо, но Денис не захотел. Марк, не говоря ни слова, перешёл с ним на одну линию и стал поддерживать сумку за ремень, чтобы она не тянула на повреждённую руку.

Денис посмотрел на него.

— Я могу сам.

— Я не тебе помогаю, а сумке.

— Конечно.

Они продолжили идти. Марк не отпустил ремень.

Я видел это и подумал, что иногда проще помочь, если можно притвориться, будто делаешь это не для человека.

Песчаная долина закончилась у низкого уступа. На его вершине была узкая тень. Когда мы добрались туда, никто не заговорил. Мы просто опустились на землю. Я снял рюкзак и почувствовал, как плечи болят от ремней. Кожа под ними натёрлась. Я потянулся к воде, но Тимур остановил меня.

— Сначала отдышись.

— Я не бегал.

— Всё равно отдышись.

Я хотел спорить, но понял, что у меня пересохло во рту так сильно, что спорить тяжело. Посидел, выровнял дыхание и только потом сделал два маленьких глотка.

Тимур раздал остальным воду. Марта не хотела брать, пока Юсуф жестом не показал, что надо. Она сделала один глоток и отдала бутылку обратно. Чэнь смотрела на горизонт. Диего сидел, прислонившись спиной к камню, и постукивал пальцами по футляру. Тихий ритм повторялся снова и снова. Он не играл на инструменте — просто отбивал такт, чтобы занять руки.

Я слушал этот ритм и вдруг понял, что он похож на шаги. На что-то, что можно удержать. Диего заметил мой взгляд и улыбнулся. Я кивнул.

— Музыка? — спросил я.

Он ответил по-испански, потом показал на футляр. Я понял только, что там инструмент. Он сделал жест, будто играет, и поднял брови: спросил, можно ли достать.

Сергей сказал, что лучше не тратить время, но Диего уже открыл футляр. Внутри лежала небольшая гитара, потёртая и старая. Он не стал играть громко. Провёл пальцами по струнам,

извлёк несколько нот, потом замолк. Звук был тонкий, но в тишине пустыни он прозвучал удивительно ясно.

Павел попросил сыграть ещё. Диего улыбнулся и сыграл короткую мелодию — простую, без слов. Я не знал, была ли она известной. Мне показалось, что слышал её раньше, хотя это было невозможно. Мелодия не спасала и не объясняла ничего, но на несколько минут мы перестали смотреть на горизонт.

Даже Марк подошёл ближе. Он слушал, опустив голову. Когда Диего закончил, Марк сказал:

— Неплохо.

Диего спросил что-то на испанском.

— Он говорит, что ты должен играть громче, — предположил Павел.

— Нет, — сказал Марк. — Я сказал «неплохо».

Диего рассмеялся, хотя не понял слов. Его смех был заразительным. На этот раз улыбнулись почти все.

Я поймал себя на том, что хочу, чтобы мелодия продолжалась. Мне не хотелось возвращаться к дороге, к песку и к мысли, что еды почти нет. Но отдых закончился, и гитару снова убрали в футляр.

Мы поднялись. Я чувствовал себя так, будто вставал после долгой болезни. Ноги не слушались, плечи ныли, спина была мокрой от пота. Рюкзак снова лёг на плечи, и я едва не вскрикнул от боли. Я промолчал.

Лера шла впереди меня. Я смотрел на её шаги, на то, как она выбирает место, куда ставить ногу. В какой-то момент она обернулась.

— Идёшь?

— Иду.

— Хорошо.

Слова были простые, но я услышал в них поддержку. Я ускорил шаг, чтобы догнать её.

К вечеру скальная гряда снова приблизилась. Мы нашли широкую площадку у основания стены, где можно было укрыться от ветра. Сергей осмотрел место и решил, что здесь остановимся. Он сказал, что сегодня мы прошли достаточно. Никто не стал спрашивать, сколько именно. Мы не знали, сколько прошли, и не знали, насколько продвинулись.

Элина достала блокнот и записала: «День первый. Движение вдоль скальной гряды. Вода: меньше, чем утром. Еда: одна порция на человека примерно». Она показала запись Тимуру, тот поправил её: еды хватит меньше, если делить поровну.

— Тогда так и напишу, — сказала Элина.

— Не надо писать «примерно», если мы не уверены.

— Мы ни в чём не уверены.

— Но можем записывать то, что точно знаем.

Я слушал их и думал, что они оба правы. Только один хотел сохранить порядок, а другой — не притворяться, будто порядок решает всё.

Оксана села отдельно и достала фотографию сына на телефоне. Соня присела рядом. Оксана показывала ей снимки, тихо рассказывала что-то. Соня слушала, не перебивая. Потом сказала, что у неё дома есть младший брат, который тоже считает себя взрослым. Оксана посмотрела на неё и впервые за день улыбнулась.

Марк помог Денису снять рюкзак. Денис поблагодарил его. Марк сказал, что ремень просто мешал. Они оба сделали вид, что этого достаточно.

Лера снова осмотрела мою пятку. Пластырь держался плохо, кожа вокруг покраснела. Она заменила его, попросила меньше нагружать ногу. Я спросил, как это возможно, если нам всё равно идти.

— Не знаю, — сказала она. — Но можно хотя бы не делать вид, что боль неважна.

Я хотел сказать, что привык делать вид. Не только с болью. С усталостью, с нежеланием идти на учёбу, с тем, что мне всё равно. Но не стал.

— Я постараюсь.

Она кивнула. Потом посмотрела на свои пальцы: на них осталась пыль и тонкая полоска крови от моей ладони. Она вытерла руки о ткань и убрала аптечку.

До заката мы успели разложить вещи. Сергей назначил дежурства. На первую смену вышли он и Юсуф, на вторую — Денис и Элина, на третью — я и Лера, на последнюю — Марк и Тимур. Марк возразил, что он не собирается сидеть всю ночь, но Сергей объяснил, что смены короткие. Марк в итоге согласился, хотя ничего не обещал.

Я сел у стены, вытянув ноги. Камень был тёплым после солнца. Внутри меня постепенно росла усталость — не та, что приходит после позднего вечера за компьютером и проходит после сна. Эта лежала в мышцах, в затылке, в пальцах. Она была простой и честной: тело потратило силы и требовало остановиться.

Я подумал, что не помню, когда в последний раз так уставал. Может, в детстве после долгой прогулки. Но тогда рядом были взрослые, дом был где-то в конце дороги, а вечером можно было принять душ и лечь в свою кровать.

Здесь конца дороги не было видно.

Мы не знали, где находимся. Не знали, сколько дней идти. Не знали, есть ли на этой земле другие люди. Мы знали только, что воды мало, солнце не щадит, а за спиной остался автобус, который уже не был виден.

Я вытащил телефон, чтобы посмотреть на сообщение от друга. Экран не включился сразу. Я нажал кнопку ещё раз. Батарея показывала тридцать семь процентов. Я не стал открывать чат.

Вместо этого написал в заметке: «Сегодня прошли до скал. Воды меньше. Лера перевязала руку Денису и мою пятку. Марк помог Денису, хотя сделал вид, что нет».

Я не знал, зачем записываю. Возможно, боялся, что всё это забудется, если не оставить след. Возможно, хотел доказать самому себе, что день был настоящим.

Когда солнце скрылось за скалами, группа замолчала. Мы разложили вещи, проверили, у кого что осталось, и договорились не расходиться ночью. Я посмотрел на людей вокруг. Они ещё были для меня почти незнакомцами. У каждого — своё имя, свой голос, своя причина ехать на автобусе тем утром. Теперь все эти причины остались где-то далеко, за пределом пустыни.

Я сел рядом с Лерой. Она держала бутылку, но не пила.

— Ты думаешь, мы найдём людей? — спросил я.

Она посмотрела на темнеющий склон.

— Надеюсь.

— А если нет?

— Тогда будем думать дальше.

Я кивнул. Это не было обещанием. Но и отказом от надежды тоже не было.

Марк сел напротив нас. Он достал флягу, сделал один короткий глоток и убрал обратно. На этот раз никто не спросил, сколько в ней осталось.

Вдалеке, за линией холмов, темнело что-то похожее на низкое облако. Чэнь заметила его первой. Она поднялась, указала на горизонт и заговорила по-китайски быстрее, чем раньше. Мила встала рядом, пытаясь понять жесты. Сергей посмотрел туда, куда она показывала, но уже ничего не различил в сумерках.

— Утром проверим, — сказал он.

Чэнь покачала головой, будто хотела сказать, что утром может быть поздно. Но мы не поняли её.

Я посмотрел на тёмную полоску, потом на людей рядом. Первое утро в пустыне закончилось. Мы прошли путь, который никто не мог измерить, и стали ближе друг к другу только потому, что отдалиться было опасно.

Ночью нас ждали дежурства и холод.

А за горизонтом — что-то, чему мы пока не знали названия.

Глава шестая
Первая ночь

Ночью нас ждали дежурства и холод.

Я уснул не сразу. Каждый раз, когда закрывал глаза, слышал, как песок сыплется где-то за уступом. Иногда ветер шуршал по камням, иногда вдалеке стукал один камешек о другой. Я лежал на боку, подтянув колени, и пытался найти положение, при котором не болела бы спина. Куртка грела только плечи; ноги мёрзли, и ступни в ботинках казались чужими.

Я думал, что раньше считал бессонной ночью ту, после которой вставал разбитым. Теперь понимал, что бессонница в тёплой комнате — не то же самое, что не знать, кто или что может подойти к тебе в темноте.

Когда пришла наша смена, Лера коснулась моего рукава.

— Илья. Вставай.

Я поднялся слишком быстро, и на мгновение всё вокруг поплыло. Лера подождала, пока я выровняюсь. Марк и Тимур уже сидели у входа в тень, их смена закончилась. Марк сунул руки под мышки и зевнул.

— Ничего не было, — сказал он. — Только кто-то храпел.

— Это ты, — ответил Тимур.

— Я не храплю.

— Тогда пустыня.

Марк усмехнулся и лёг на место, которое освободил Тимур.

Сергей объяснил нам, где он слышал движение, и показал на узкий участок между скалами. Мы должны были сидеть вместе и не отходить от лагеря. Если увидим что-то подозрительное — разбудить остальных, не бежать проверять самим. Лера взяла фонарь, но Сергей попросил пользоваться им только в крайнем случае, чтобы не тратить заряд.

— А что считать подозрительным? — спросил я.

Сергей посмотрел на меня.

— То, чего здесь не было раньше.

Это было не очень полезно. Здесь всё было новым.

Мы сели у края уступа. Остальные спали неподалёку, кто-то укрывался курткой, кто-то — шарфом. Анна Павловна лежала, подложив сумку под голову. Даже во сне она выглядела собранной. Я не понимал, как ей удавалось оставаться спокойной, но, может быть, я просто принимал молчание за спокойствие.

Лера держала фонарь на коленях. Я смотрел на её руки: пальцы были испачканы песком, ногти коротко подстрижены. Она время от времени прислушивалась, наклоняя голову. Я старался делать то же самое.

— Ты спала? — спросил я.

— Немного.

— Это было похоже на сон?

Она подумала.

— На отдых. Не на сон.

Я кивнул. Мы оба знали это ощущение: тело лежит, глаза закрыты, а внутри всё равно продолжается день.

Несколько минут мы молчали. Ночь была настолько тихой, что я слышал собственное дыхание. Потом где-то далеко протяжно скрипнул камень. Я напрягся. Лера тоже подняла голову.

— Ветер? — прошептал я.

— Может быть.

Мы слушали. Больше ничего не было.

Я хотел спросить, как она оказалась в автобусе, но знал ответ: ехала на практику. Вместо этого спросил:

— Ты давно живёшь одна?

Она повернулась ко мне.

— Я не живу одна. С родителями. А ты?

— С мамой.

— Она знает, что ты в автобусе?

Я не сразу понял вопрос.

— Она знает, что я еду в колледж. Наверное, думала, что я уже там.

Лера опустила взгляд. Я подумал о её семье и не спросил, ждёт ли её кто-нибудь дома. Вопрос казался слишком большим для ночи, в которой мы сидели вдвоём и охраняли чужой сон.

— Я хотел бы ей позвонить, — сказал я.

— Я тоже.

— Даже просто услышать голос.

— Да.

Она произнесла это тихо, без драматизма. Мне стало легче от того, что не нужно было объяснять.

Мы сидели до конца смены. Один раз Лера поднялась и прошла вдоль камней, но осталась в пределах видимости. Я не пошёл за ней. Она не исчезла, не споткнулась, не закричала. Вернулась и села рядом.

Когда пришли Денис и Элина, я понял, что колени затекли. Денис заметно берёг руку. Элина держала блокнот и карандаш, хотя ночью ничего не записывала. Лера передала им фонарь и сказала, что ничего необычного не заметили.

Я лёг, но до рассвета оставалось мало времени. Сон пришёл короткими провалами. Каждый раз, когда я открывал глаза, небо было чуть светлее.

На рассвете я проснулся от холода. Воздух обжигал горло, дыхание выходило белым паром. Я сел и увидел, что все уже начали шевелиться. Сергей стоял у края площадки и смотрел на восток. Тимур раздавал воду — по маленькому глотку. Мила, всё ещё с разбитым экраном камеры, проверяла вчерашние снимки.

— Чэнь, — позвал Сергей. — Покажи, что ты видела.

Чэнь поднялась и показала на горизонт. Небо за холмами было чистым. Тёмной полосы не было.

Она нахмурилась и заговорила по-китайски. Мила попыталась спросить жестами: вчера? сейчас? Чэнь кивнула на «вчера», затем показала рукой, как полоса растёт и движется. Потом провела ладонью над землёй.

— Может, облако закрылось холмом, — сказала Элина.

Чэнь покачала головой. Она показала на себя, потом на горизонт, потом снова на небо. Её лицо выражало раздражение — не на нас, скорее на то, что она не может заставить нас понять.

— Если она что-то видела, это не значит, что оно опасно, — сказал Сергей. — Мы всё равно не знаем, что там.

— Она может быть права, — сказал я.

Сам удивился, что вмешался. Сергей посмотрел на меня.

— Может. Но сейчас мы не видим ничего. У нас два варианта: остаться здесь и ждать, или идти дальше.

— Можно подождать до полудня, — предложила Мила. — Посмотреть, появится ли снова.

— Если это облако или пыль, к полудню станет хуже видно из-за жары, — сказал Денис. — Но остановка даёт передышку.

Оксана возразила, что не хочет тратить день на ожидание. Если впереди есть люди, надо двигаться к ним. Если нет — надо искать воду. Соня молчала. Анна Павловна сказала, что направление по солнцу утром определить проще, но если мы задержимся, придётся идти в самый жаркий час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.